

ЗОМБИ ЭПИДЕМИЯ В АТМОСФЕРЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ МОСКВЫ

ХОДЯЧИЕ. ЭВАКУАЦИЯ МОСКВЫ

Арапов Олег

16+

Олег Арапов

Ходячие. Эвакуация Москвы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Арапов О.

Ходячие. Эвакуация Москвы / О. Арапов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

По столице стремительно расплзается эпидемия бешенства. Объявление комендатского часа и введение режима ЧС не помогает, и власти начинают эвакуацию населения. Одинокая сотрудница МВД с модельной внешностью и мечтой спасти людей. Модный московский писатель, пишущий свои романы в вагонах метро. Преподаватель экономики из Сибири, приехавший в Москву на научную конференцию и узнавший, что его бросает жена. Удастся ли им найти путь к спасению, когда вокруг – погружающийся в хаос многомиллионный мегаполис?

Содержание

Часть 1. Апокалипсис начинается	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Часть 1. Апокалипсис начинается

1

Вадим Панов был продюсером трех фильмов про зомби-апокалипсис, и когда он увидел себя утром в зеркале, то понял, что дело плохо.

Глаза его были налиты кровью, а на коже лица и шеи выступали темные бесформенные пятна. «Ты похож на зомби, – подумал Вадим. – Ты похож на чертова зомби». Голова раскалывалась, сознание путалось и постоянно ускользало в странный мир хаотичных и пугающих образов.

Вадим Панов не верил в зомби. Он верил, что фильмы про зомби способны сделать их продюсера богатым человеком, а счет в банке лишь подтверждал это. Однако зеркало в ванной показывало ему человека, весьма похожего на зомби.

Вирус! Конечно, это был какой-нибудь вирус. Всего два дня назад Вадиму пришлось несколько часов общаться с делегацией из Китая. Крупная азиатская кинокомпания снимала фильм, и часть съемок должна была проводиться в Москве. Им нужен был продюсер, который организовал бы эти съемки, и Вадим вел с ними переговоры. Контракт на кругленькую сумму был почти у него в кармане.

Скорее всего, эта делегация и заразила его каким-нибудь китайским гриппом. Уже вчера днем он почувствовал легкое недомогание, а к вечеру почувствовал себя совсем скверно.

Но сегодня он не мог позволить себе болеть. Сегодня очередная встреча с китайцами. Сегодня они подпишут этот чертов договор. Нужно быть в форме. Нужно выпить побольше аспирина и этих чудо-таблеток БК-Нано, принять душ, побриться и явиться на встречу с бело-снежной улыбкой и в безукоризненном костюме.

Вадим достал аспирин из аптечки и кинул три таблетки в стакан с водой. Пузырьки весело побежали от таблеток к поверхности воды. Вадима скрутил кашель. Что-то с усилием бухало и трепетало в груди. Наконец, он смог откашляться и сплюнул в раковину. Слизь было много, и она была кроваво-красного цвета.

- Возможно, все же стоит отложить встречу и вызвать врача, – подумал Вадим.
- Не будь хлюпиком! Вадим Панов не откладывает переговоры из-за какой-то простуды.
- Какой-то? Ты харкаешь кровью и напоминаешь зомби! Вызови врача.
- Вызову. Когда контракт будет подписан!

Вадим залпом выпил растворившийся аспирин из стакана, запив им небольшие овальные таблетки БК-Нано, и залез под душ. Переговоры начнутся через полтора часа, и он не позволит китайцам ждать.

2

Паша Конкин был по уши влюблен в свою одноклассницу Аню Милутка, и Аня отвечала ему взаимностью. Они жили в Рязани и вместе с классом и двумя сопровождающими учителями приехали в столицу на обзорную экскурсию.

Был конец мая, пятница, и это было большой удачей, что их десятый класс повезли на двухдневную экскурсию. На саму экскурсию, конечно же, им всем было глубоко плевать. Но два дня в Москве подразумевали ночь в гостинице, где они будут предоставлены сами себе. Какой десятиклассник не мечтает оказаться в отдельном номере со своей возлюбленной? А провести с ней наедине целую ночь?

Все уже было оговорено. Пашка селится со своим другом Ромой, а Аня со Светой, а когда учителя заснут, они поменяются местами, Рома уйдет к Светке, а Аня придет к нему, Паше. И

тогда наконец случится то, о чем и он и Аня так долго мечтали. Все было готово, кроме одной маленькой детали.

– Ты купил? – Аня наклонилась к Пашке и произнесла вопрос шепотом. Они сидели рядом, и большой блестящий автобус вез их по улицам Москвы к Красной площади. Девушка-экскурсовод что-то рассказывала в микрофон, но кроме учителей ее слушали разве что ботаники.

– Не получилось, – Пашка покачал головой. – Вчера вечером так и не смог выйти, родители со своими наставлениями наседали. А сегодня утром отец довез на машине до вокзала, так что тоже не смог добраться до аптеки.

– Я без них не буду.

– Я понимаю. Придумаю что-нибудь. Здесь куплю.

– А если не получится? Маша со Степанычем сегодня глаз да глаз, – Аня кивнула в сторону сопровождающих их учителей. Маша, или Анастасия Сергеевна Машкина, была одинокой, элегантной дамой и в свои сорок лет являлась стервой как на уроках, так и по жизни. Из учеников ее мало кто любил, и она отвечала им тем же. Степаныч был долговым учителем физики и в 32 года выглядел максимум на 25. Он был робким, легко смущался и без проблем шел навстречу ученикам. Всю дорогу до Москвы Мария Сергеевна при учениках достаточно грубо отчитывала Степана Александровича за его вечные поблажки старшекласникам и сетовала, что такого нерадивого и неприспособленного человека отправили сопровождать класс. Что-нибудь обязательно случится, просто потому, что Степан Александрович по своей мягкотелости позволит этому случиться. На подъезде к столице Степан Александрович Горчаков молчаливо согласился ради безопасности учеников стать на время сторожевым псом.

– Получится, – сказал Пашка. – Должно получиться. Уж на десять минут точно удастся сбежать, чтобы добраться до аптеки. Если что, Рома прикроет.

– Я слышала, они порваться могут. Ты дешевые не бери.

– Я знаю. Ты не волнуйся. Я куплю хорошие. Я об этой ночи столько мечтал.

– Я тоже, – Аня положила голову ему на плечо. – Значит, все у нас получится?

– Конечно. Сегодня мы проведем ночь вместе, чего бы мне ни стоило достать презервативы.

Автобус подъехал к стоянке на Васильевском спуске. Из окон были видны стены и башни Кремля. Водитель разворачивал автобус, старшекласники галдели, девушка-экскурсовод продолжала что-то говорить. Наконец автобус замер, и двери с шипением открылись. Все стали выходить. Оживленные, Пашка и Аня преодолели проход между сиденьями и вышли на улицу.

Солнечная Москва встречала их своим великолепием. Храм Василия Блаженного, красного кирпича стены Кремля, а с другой стороны – жилые дома многомиллионной столицы. На обочине шоссе виднелся огромный билборд с рекламой российских чудо-таблеток. Надпись на билборде гласила: «БК-Нано. Лекарство нового поколения». А ниже: «Мы не говорим, что изобрели панацею, но наш препарат БК-Нано способен победить любой вирус и любую инфекцию».

3

Жизнь Влада Майченко распадалась на части.

Шел третий день международного экономического форума, проводимого Институтом стран Азии и Африки. Это было крупное научное событие, принять участие в котором Влад мечтал уже давно. И по иронии судьбы сейчас Владу было совсем не до него.

Влад Майченко был кандидатом наук и преподавал экономику в своем родном сибирском городе. Весь последний год для Влада выдался тяжелым.

Сначала эти бесконечные скандалы с женой. Они сошлись еще студентами, на предпоследнем курсе. После окончания университета он и Олеся поженились. Влад поступил в аспи-

рантуру и засел за написание кандидатской диссертации. Семейного бюджета хватало лишь на весьма скромную жизнь.

После защиты диссертации они переехали со съемной однушки жить к родителям Олеси, а сами взяли квартиру в ипотеку и стали сдавать ее в наем, оплачивая этими деньгами большую часть банковского долга. Тогда эта схема показалась решением их проблемы с жильем. Но за пять лет жизни с родителями Олеси их отношения оказались на грани.

Впереди была полная безнадега. Еще пятнадцать лет такой жизни, пока ипотечный кредит не будет погашен. Еще пятнадцать лет не жизни, а ожидания лучшего будущего.

И семь месяцев назад Олеся сказала, что больше не видит смысла продолжать их отношения и подала на развод.

Жизнь Влада Майченко распалась на части, и ничто уже не могло остановить этот процесс.

Андрей Зимин был старым университетским другом Влада, и в студенческие годы им многое довелось испытать вместе.

Андрей не слишком преуспевал в учебе, и частенько списывал у Влада. После окончания вуза Андрей переехал в Москву, где за два года успел стать ведущим финансовым консультантом в российском филиале крупной японской компании.

Влад Майченко, поступив в аспирантуру и приобщившись к миру науки, пару раз в год приезжал в Москву на научные конференции и каждый раз останавливался жить у Андрея. А с год назад Андрей оставил завидную и хорошо оплачиваемую должность финансового консультанта и принял приглашение стать преподавателем экономики в МГУ, в Институте стран Азии и Африки.

С тех пор, как жизнь обоих внезапно изменилась, друзья не виделись, и эта встреча на международном форуме была первой.

Влад и Андрей держались за поручни в проходе между сиденьями, вагон, покачиваясь, несся через темный туннель метро. Влад и Андрей опаздывали на утренние секционные заседания. Они были с хорошего похмелья, поэтому поехали на метро, так как из-за пробок боялись опоздать еще больше. Вчера вечером после напряженного дня с круглыми столами и семинарами был банкет. После банкета Влад и Андрей продолжили отмечать встречу и вспоминать прошлое. И закончили уже глубокой ночью.

– Вот я тебя не понимаю, – сказал Влад. – Как можно было бросить золотую жилу. Сколько ты там получал? Тысяч тридцать? Тридцать тысяч долларов каждый божий месяц?

– Что-то вроде того.

– А у меня даже тридцатки не выходит. В рублях. Тридцатки в рублях. И ты, получая столько денег, бросил работу?

– Не в деньгах счастье.

– Ну не знаю, – Влад рассмеялся. – Получай я хотя бы в два раза больше, чем сейчас, и Олеся не подала бы на развод.

– Или подала. Не деньги соединяют людей.

– Ты так говоришь, будто сам себя пытаешься убедить, что не зря ушел от японцев.

– Вместе с бонусами и премиями я получал полмиллиона долларов в год. Конечно, я жалею, что теперь доход у меня меньше. Но я ведь не просто так ушел. Была причина.

– И какая?

– Понял, что нахожусь не там, где хотел бы находиться, и делаю не то, что хотел бы делать.

– Полмиллиона долларов каждый год! Мне кажется или это то место, где мечтает оказаться каждый? – сказал Влад. – И теперь ты находишься там, где хотел?

– Да. Сейчас я счастлив больше, чем когда работал консультантом. В крупных корпорациях человеку легко потеряться. Даже если ты занимаешь большую должность. Или особенно если ты занимаешь большую должность. Но человек в одиночку никто. Только в связи с дру-

гими людьми мы обретаем смысл себя и своей жизни. В мире нет ничего важнее друзей и семьи. Поэтому я оттуда и ушел. Чтобы не потерять себя. Чтобы быть с семьей. Чтобы делать то, что объединяет меня с другими людьми. Хотя признаю, если бы зарплата преподавателя была моим единственным доходом, я бы еще подумал, уходить ли. К счастью, связи-то остались, так что денег мне и теперь хватает.

– Не жизнь, а идеал! Все-таки смешно все получилось. Студентом ты постоянно списывал у меня, но ты преуспел, а я, будучи кандидатом наук, работаю в средненьком провинциальном вузе и проклиная свою жизнь. А теперь еще жена подала на развод, потому что ей надоело жить на мою маленькую зарплату.

– Жизнь сложная штука. Я как был твоим другом, так и остался. Если тебе не нравится твоя жизнь, бросай ты свою науку, приезжай сюда. Я помогу тебе найти работу. Те же японцы с радостью тебя возьмут. А там глядишь и сам начнешь получать по полмиллиона долларов в год.

– Тебе легко говорить, бросай вуз и приезжай сюда.

– Ага, легко. Я ведь этот путь сам прошел. И ты пройдешь, если захочешь.

– Не знаю.

– Не знаешь, чего хочешь?

– Да, не знаю. Я всегда делал то, что общество считает правильным. Но лучше от этого не стало ни мне, ни им. Возможно, ты и прав, и пора что-то менять.

В другом конце вагона кто-то зашелся в приступе гулкого кашля. Влад посмотрел через проход. Крупных габаритов дама в возрасте, прикрыв рот платком, пыталась откашляться. И с каждым гулким звуком пышные формы приходили в движение.

Во внутреннем кармане пиджака завибрировал сотовый, Влад достал телефон и посмотрел на экран. Звонила Олеся. Он ответил и проговорил с женой пару минут. Убрал телефон обратно.

– Судя по выражению лица, звонила жена, – сказал Андрей.

– Ага, – подтвердил Влад.

– Хорошие новости?

– Как посмотреть. Сказала, что все готово и, когда вернусь, можно идти в ЗАГС подписывать документы о разводе.

– Мне жаль, – Андрей положил руку Владу на плечо.

– Да, спасибо. Мне тоже жаль, что так вышло.

Влад отвернулся и стал смотреть в окно вагона.

Как же давно он хотел представить свои экономические идеи на этом престижном международном форуме. Конечно, если ты кандидат наук, то тебе рады на таких форумах всегда. Но он не хотел быть еще одним участником. Он хотел, чтобы его доклад произвел впечатление, вызвал споры, заставил убежденных седиными профессоров заговорить о его идеях. Он хотел что-то изменить, хотел, чтобы эта скучная наука превратилась в действенный инструмент, меняющий мир к лучшему.

И вот доклад готов, и сегодня он должен его представить публики. Но ему было все равно. Потому что все оказалось ложью. Вся его жизнь оказалась ложью! Жена бросила его, и теперь он сам по себе.

Стекло прямо перед Владом было заклеено рекламным плакатом. «Препарат БК-Нано – уникальная разработка российских ученых, искусственные ассимилирующие антитела. Препарат способен адаптироваться под индивидуальные физиологические особенности человека и взаимодействовать с естественными антителами для борьбы с любой известной человечеству инфекцией. Полное выздоровление происходит на третьи сутки после начала курса лечения».

БК-Нано – вот наука, что изменила мир к лучшему! А он, Влад, своей наукой только разрушил свою жизнь. Влад перевел взгляд на окно рядом. За стеклом было темно, и лишь

смутно были видны мелькающие стены тоннеля. Мелькание отвлекало от мыслей, и Влад просто смотрел в окно. Дама, зашедшаяся в кашле, все бухала и бухала не в силах остановиться.

4

Матвей Палий был модным московским писателем, чьи романы боготворили десятки тысяч человек и читали миллионы. Многие обвиняли его произведения в недостаточной глубине. Матвея обвиняли в том, что он растрчивает свой талант и пишет не те романы, какие должен был бы писать. Ему ставили в пример Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова, а из зарубежных писателей – Хемингуэя, Ремарка, Фитцджеральда и других.

Его обвиняли и в том, что своими романами он не решал никаких социальных проблем, не давал ответов. Обычно люди, обвинявшие его в этом, легко взрывались и начинали кричать. В их глазах часто читалась неподдельная ненависть. Поэт в России больше, чем поэт! – кричали они. Иногда казалось, что они готовы убить его только за то, что его романы были недостаточно добротельны.

Не решал проблем? Как слова могут что-то решить? Они могут поддержать, дать силы, показать путь. Но не более. Только человек действует, только человек способен пройти путь.

Не давал ответов? Любая истина – всего лишь предположение. Только человек совершает действие и получает от реальности отклик, а для разных людей этот отклик может быть разным, просто потому, что люди разные.

Матвея Палия так же называли странным писателем, и одной из таких странностей, или, как сказал бы издатель, фишек, было то, что он писал свои романы в вагонах метро.

Если история шла, то Матвей садился на кольцевой ветке, и пока поезд накатывал круги, он, расположившись в углу вагона, писал страницу за страницей. Если же текст не давался, Матвей катался в метро в разные концы Москвы, пересаживался с ветки на ветку, поднимался и спускался на эскалаторе, разглядывая лица едущих навстречу людей. Наконец, нужный герой, событие или сюжетный поворот находились, и Матвей вновь раскрывал ноутбук и продолжал писать свой очередной столь ожидаемый читателями роман.

Матвей был дома и, расположившись на диване, читал Александра Дюма. Пару недель назад он закончил новый роман, отправил его издателю и теперь наслаждался заслуженным отдыхом. Он жил со своей невестой в большой квартире на Остоженке. Хотя работать было и не надо, Матвей по привычке проснулся в пять часов утра и сел читать «Графа дэ Монте-Кристо» в оригинале.

Ближе к обеду чтение прервал звонок от издателя. Роман Матвея понравился! Все в восторге! Это лучший роман Матвея! Они гордятся тем, что знают Матвея лично и помогают его книгам добраться до читателя. На следующей неделе Матвея ждут в редакцию, чтобы подписать договор.

Новость была отличной.

Позвонила мать Матвея, и он поделился своей радостью. Разговор прошел как обычно, и злой Матвей бросил телефон на диван. Матвей вышел на балкон и, сжав руками перила, долго смотрел на панораму солнечной Москвы. Наконец, вернулся в комнату и позвонил невесте.

– Сегодня редактор звонил, – сказал в трубку Матвей.

– Так скоро?

– Ага. Роман понравился, все в восторге.

– Здорово!

– Начальный тираж – триста тысяч экземпляров. Мой лучший начальный тираж. Предлагаю вечером отметить.

– Давай. Ты за мной зайдешь?

– Да.

Матвей помолчал.

– Я снова поссорился с матерью, – сказал он.

– Она вернулась в Москву?

– Нет. Она в Париже. Звонила узнать, как дела. Я сказал, что мой новый роман издадут тиражом триста тысяч и что я уже третий месяц держусь на первом месте в рейтинге самых читаемых российских писателей. Она ответила, что с такими романами, как у меня, мне нужно этих цифр стыдиться.

– У тебя хорошие романы.

– Только моя мать считает, что их место на дне мусорного ведра.

– Не бери ее слова в голову. Просто ты для нее напоминание о ее умершем муже. Вот она и пытается хоть как-то справиться со своей болью.

– Я тоже скорблю об отце. Но я же не срываюсь на ней.

– Ты другой. Просто дай ей время.

– Тебе легко говорить.

– Да, говорить легко. Но ты справишься. Хорошо?

– Хорошо. Буду стараться. Тогда я найду за тобой к концу рабочего дня?

– Да, буду ждать тебя, любимый.

Матвей положил телефон. До конца рабочего дня Марины, его невесты, оставалось почти пять часов. Читать не хотелось. Матвей подумал, чем еще заняться, но, ничего не придумав, включил телевизор.

Шло дневное ток-шоу. Передача показывалась в повторе. Упитанный бородатый дядька, по виду то ли преподаватель университета, то ли ученый, рассказывал что-то ведущему. Ведущий то и дело поправлял очки. Даже идиоту было понятно, что очки ведущему непривычны и он надел их для пущей интеллигентности. Бородатый же дядька был одет в дорожный костюм-тройку и был слишком ухожен, чтобы быть преподавателем вуза или ученым.

Матвей собрался выключить телевизор, но появившийся субтитр заставил его задержаться. Внизу экрана появилась надпись: «Дмитрий Львович Добровольский, профессор, доктор биологических наук, основатель корпорации «БК-Нано». Значит, этот холеный бородатый дядька и есть тот самый легендарный профессор Добровольский. Матвей отложил пульт и стал слушать.

– Ну вот это основные моменты, которые и нужно знать зрителям, – сказал с экрана профессор Добровольский. – Препарат БК-Нано работает. Препарат БК-Нано абсолютно безопасен. Препарат БК-Нано – это будущее фармакологии. Мы уже научились побеждать любые вирусы, инфекции или бактерии, что угрожают человеческой жизни. Гепатит, СПИД, эбола – теперь это больше не проблема. Завтра с помощью этих же технологий мы научимся побеждать старость и продлевать жизнь человека на двадцать пять, пятьдесят, а, может быть, и сто лет. Уже сейчас мы проводим испытания БК-Нано-2. В случае успеха этот препарат станет доступен всем людям уже через два-три года. Но уже сейчас результаты выглядят впечатляюще. По прогнозам наших специалистов БК-Нано-2 будет способен продлевать активную зрелость человека до 75-90 лет. Мы уже изобрели панацею, лекарство от всех инфекционных болезней. А теперь мы завершаем работу над эликсиром молодости. Головокружение от успехов? Да. Гордость за российскую науку? Опять да. Вы должны понять одну простую вещь. Возможности, созданной нами углеродно-кремниевой жизни безграничны. Мы можем заложить в нее те свойства, которые нам нужны. Сделать человека гением? Легко! Только дайте время. Сделать человека бессмертным? Труднее, но вполне осуществимо. Просто дайте нам время, и мы сделаем людей богами!

Здесь нужно бы выдержать драматическую паузу, подумал Матвей. Но ведущий слушал Добровольского явно вполуха и влез с заготовленным вопросом.

– Дмитрий Львович, вы несколько раз за нашу беседу сказали «созданная нами углеродно-кремниевая жизнь». Можно поподробнее об этом? Что же такое – БК-Нано? Это действительно жизнь? И она действительно создана вами?

– Это очень важный момент, и я, несомненно, расскажу о нем как можно подробнее. Это то, почему создатель БК-Нано заслуживает Нобелевской премии. Всех Нобелевских премий вместе взятых. БК-Нано – это...

5

Контракт был подписан. Вадим Панов выиграл и этот бой.

Он сидел за столом для переговоров в своем офисе в Сити. Аренда, конечно, стоила бешеных денег, но оно того стоило. На иностранцев такие офисы всегда производили впечатление. Такой офис сразу говорил: с этим человеком стоит иметь дело, он профессионал, он знает, как заработать денег для обеих сторон.

Переводчик, сидевший на той же стороне стола, что и китайцы, сказал, что Вань Чоу, продюсер фильма, предлагает отпраздновать успешную сделку и приглашает их сегодня вечером на ужин, в какой-то ресторан в центре Москвы. Вадим улыбнулся и попросил передать, что он и его ассистентка очень благодарны за предложение и с радостью его примут.

Все формальности были закончены, и делегация поднималась из-за стола, собираясь уходить. Принятые утром таблетки помогли, но ненадолго. Последний час Вадим с каждой минутой чувствовал себя все хуже и хуже. Наташа, его ассистентка, видела это и помогала, как могла.

Вадим заставил себя встать, улыбнулся своей лучшей улыбкой. Он стоял и пожимал всем руки, желал всего хорошего, кивал и ждал, когда же они наконец все уберутся из зала переговоров и оставят его одного.

Дверь закрылась, и в помещении остались только он и Наташа. Вадим тяжело осел на стул и дрожащей рукой потянулся за стаканом с водой.

– С вами все в порядке?

– Я справлюсь. Принеси аспирин, пожалуйста.

– Вы плохо выглядите. Может, скорую вызвать?

– Нет. Просто дай мне этот чертов аспирин! ... Прости. Дай мне аспирин и вызови такси. Поеду домой и отдохну немного, – сказал Вадим. – Вечером ужин, и его нельзя пропустить. Это же восток! Они обидятся, если мы не придем. Я просто полежу дома, выпью еще таблеток, а вечером ты заедешь за мной, и мы будем есть и улыбаться на этом чертовом ужине.

Наташа принесла несколько таблеток. Не только аспирин.

– Пейте. Все пейте. Это должно помочь вам продержаться. Но после ужина сразу же поедem в больницу. Выглядите вы ужасно, – Наташа положила ладонь ему на лоб. Это был их первый физический контакт за несколько лет совместной работы, отметил про себя Вадим. Рука Наташи была холодной, как лед, и по спине пробежала волна озноба.

– У вас высоченная температура. Может, я все-таки попытаюсь деликатно отменить ужин?

– Нет! Не вздумай! Я осилил переговоры, осилю и ужин. Мы не можем оставить после себя плохое послевкусие, так дела не делаются. Просто вызови такси и заезжай за мной за час до ужина.

– Хорошо.

Наташа ушла, и Вадим остался в зале для переговоров один. В глазах мутилось, а в голове была полная каша. Немного тошнило. Вадим подумал, может, все-таки стоит добраться до больницы. Там его накачают лекарствами, поставят кучу уколов, и ему полегчает, а вечером он просто сбежит на ужин. Нет, не получится. Врачи обязательно вколют ему какое-нибудь снотворное или успокоительное, и он проспит этот чертов ужин. Нужно просто добраться до дома и полежать. А вечером он будет в норме.

Подъехало такси, и Наташа помогла ему спуститься вниз и посадила в машину. Такси тронулось. Сознание то и дело ускользало в какую-то темную комнату. Стены, потолок и пол комнаты были покрыты густым кроваво-красным туманом, а воздух гудел как внутри колокола. В этой комнате Вадим вел диалог с черным, расплывчатым и постоянно переливающимся из стороны в сторону силуэтом. Вадим то ли пытался ему что-то доказать, то ли оправдаться. Тень слушала его с невозмутимым молчанием, а Вадим злился и продолжал говорить.

6

Младший сержант патрульно-постовой службы УВД на Московском метрополитене Алена Карагод была красивой девушкой, и даже полицейская форма не могла скрыть этой красоты. В свои двадцать шесть лет Алена жила с престарелыми родителями, была на хорошем счету у начальства и ни с кем не встречалась.

Алена привыкла, что прямо во время службы к ней подходили незнакомые парни и назначали свидание. Десятки раз ее звали в модельный бизнес, несколько раз ей предложили стать актрисой, а однажды бойкий и весьма уверенный в своей неотразимости парень рассказал ей, что живет на Рублевке, имеет собственную яхту длиной в 25 метров, а после предложил ей стать его женой. Ее часто приглашали на свидания, и иногда она соглашалась.

На одном из таких свиданий уравновешенный, словно сошедший с обложки журнала парень спросил Алену, что она ищет в своем молодом человеке. Вечер получился хороший, и парень ей действительно нравился. Приглушенный свет, мерцающие свечи, почти интимная обстановка ресторана, и Алена открылась, дала самый честный ответ:

«Мои престарелые родители встретились поздно, но больше никогда не расставались надолго. Я красивая. Я это знаю. Многие парни подходили ко мне и предлагали разное: секс, хорошо провести время, любовь. Но никто не предложил мне то, что я действительно хочу. Прожить жизнь вместе».

Парень тогда немного растерялся, еще поболтал немного и предложил поехать к нему домой. Получив отказ, уехал, сославшись на срочное дело, и больше не звонил. С тех пор Алена не слишком любила свидания и парней, словно сошедших с обложки журнала.

Алена Карагод на пару со своим сослуживцем Стасом Астахиным следила за порядком в вестибюле станции метро Кропоткинская. Это была скучная и неинтересная работа, Алена мечтала о чем-то большем, о помощи людям, о поимке преступников. Отец Алены всю жизнь проработал машинистом в Московском метрополитене, а мать – учителем русского языка и литературы. Алена хотела чего-то иного, чего-то большего. Мир жесток и опасен, и Алена хотела защищать людей и помогать им. Алена предпочитала не рассказывать об этом, потому что, как правило, собеседник смеялся в ответ.

Лейтенант Стас Астахин, начальник наряда, зевнул и продолжил смотреть на дальнюю стену вестибюля. Алена проследила его взгляд. На стене висел огромный плакат российских чудо-таблеток. БК-Нано – гордость России! Жаль, что пока БК-Нано не лечит от всех болезней и не продлевает жизнь. Алена бы нашла деньги, чтобы подарить родителям полный курс лечения. Препарат не так уж и дорог, даже ее зарплаты хватило бы.

На Кропоткинской в это время дня не бывало много народу, и поэтому дезориентированный мужчина сразу привлек внимание Алены. По виду мужчина не понимал, где находится, но цепким взглядом смотрел по сторонам, ища решения проблемы. Ему было хорошо за тридцать, он был одет в дорожный костюм и не менее дорогие туфли. В метро таких редко встретишь. Мужчина был бледен, на лбу выступила обильная испарина, а налитые кровью глаза подтверждали мысль, что с ним что-то не так. Мужчина был либо серьезно болен, либо находился под действием наркотиков.

Мужчина, наконец, увидел Алену и лейтенанта Астахина. Он сделал пару шагов в их сторону и упал, забившись в конвульсиях. Алена и лейтенант подскочили к мужчине. Сильные судороги проходили по его телу, а изо рта шла пена кроваво-розового цвета.

Лейтенант Астахин отстранился и шагнул назад.

– Я скорою вызову, – сказал он, доставая рацию.

Человека на полу крутило и кидало из стороны в сторону. Слышались гулкие удары головы о мрамор. Лейтенант Астахин явно брезговал и прикасаться к мужчине не собирался. Алена села на колени и обхватила плечи больного, пытаясь удержать его от ударов затылком о пол. Мужчину в ее руках дергало, удары, хоть и стали слабее, не прекратились, ошметки кровавой пены слетали с губ больного и разлетались в стороны. Кисти рук и рукава Алены быстро покрылись кровью. Алене не хватало сил, чтобы удержать мужчину, но ни лейтенант Астахин, ни кто-либо из образовавшейся толпы помочь ей не собирался.

Мужчина захрипел, тело его свело сильной судорогой, и оно выгнулось дугой в руках Алены. Пара секунд, и мужчина обмяк. Алена пощупала пульс. Тот не прощупывался. Нужно было делать массаж сердца и искусственную вентиляцию легких. Их этому учили. Алена смотрела на рот и нос, перемазанные и забитые кроваво-розовой пеной. Искусственное дыхание рот в рот или рот в нос? Нет, даже она на это не решится.

Алена расправила тело мужчины на полу и, положив ладони на грудь в область сердца, стала надавливать и ослаблять давление. Никто не пришел ей на помощь и в этот раз. Больного сторонились как прокаженного.

Алена продолжала делать массаж сердца, краем сознания понимая, что без искусственного дыхания это бесполезная трата сил. Массаж должен заставлять сердце гнать кровь по артериям, чтобы та разносила по телу кислород. Но без дыхания нет поступления кислорода, так что ее усилия не нужны, но Алена все равно продолжала надавливать на грудь мужчины. Минута за минутой, долго, как ей казалось, очень долго. Она устала, вспотела, а руки начали трястись и отказывали повиноваться. Хотелось плакать, но никто так и не пришел ей на помощь. Краем глаза она замечала лица зевак, лейтенанта Астахина, делающего вид, что разговаривает по рации. Все с интересом наблюдали за ней.

Расталкивая зевак, в образованный толпой круг протиснулись люди в белых халатах. Один оттащил Алену от лежащего мужчины, а двое других поставили большой медицинский ящик на пол и склонились над телом. Медбрат увел Алену подальше, и она перестала видеть распластанного на полу мужчину. Ей хотелось кричать, но вместо крика она разрыдалась. Медбрат обнял ее и положил ее голову себе на плечо. От медбрата сильно пахло табаком и копченой колбасой. Видно, вызов прервал их обед или послеобеденный перекур.

Алена плакала. Прямо перед ее затуманенными от слез глазами висел на стене вестибюля плакат БК-Нано, а со стороны толпы зевак слышалось, как кто-то усиленно кашляет.

7

Матвей Палий закрыл дверь своей квартиры на ключ, спустился с четвертого этажа и вышел на улицу. Было еще рано идти к Марине. Его невеста работала менеджером в банке, что располагался неподалеку, на первом этаже жилого дома на углу Гоголевского бульвара и Пречистенки. Окнами банк выходил на площадь Пречистенские ворота и Храм Христа Спасителя. Было в этом что-то вызывающее, но в Москве ведь всегда так, это ведь столица, город контрастов. И мужской спа-салон, предлагающий населению не совсем легальные услуги интимного характера, мог соседствовать с часовенкой восемнадцатого века, где православный человек замаливал свои грехи.

Марина освобождалась в шесть, только через три часа, но Матвей не знал, чем себя занять. Читать не хотелось, смотреть телевизор тем более. К тому же в голове Матвея начала

рождаться новая книга. Появилось ощущение художественного мира и смутные образы. Нужно было дать им созреть и проясниться, и потому Матвей решил эти три часа провести в метро.

Матвей пошел к станции Кропоткинской своим привычным маршрутом. Дорога на работу – как он обычно говорил. Иногда он и Марина ходили этой дорогой вместе. Вход на станцию Кропоткинская и банк, где работала Марина, располагались на площади Пречистенские ворота. Когда Матвей и Марина доходили до площади, они целовались, желали друг другу удачного дня, и Марина исчезала за стеклянной дверью банка, а Матвей переходил дорогу и спускался в метро. Сейчас Матвей собирался проехать пару-тройку кругов по кольцевой ветке, чтобы обдумать новый роман, а потом зайти за Мариной.

Он прошел три дома, когда увидел во дворе толпу. Человек тридцать стояло на газоне и проезжей части. На дороге возле людей стояли три полицейские машины и две машины скорой помощи.

Матвей, наверно, прошел бы мимо, новая книга тянула к себе, но в толпе оказался его знакомый. Это был Ванька с соседнего подъезда, их балконы соприкасались, и иногда они болтали, если случалось выйти на балкон одновременно. Они были в приятельских отношениях. Ваньке было столько же лет, как и Матвею – двадцать восемь, и он был инвалид, какие-то врожденные проблемы с сердцем. Это было заметно сразу, так как Ванькина кожа всегда была белой как мел, а движения немного заторможенными. При этом Ванька отличался жизнерадостным характером и неугасаемым чувством юмора.

– Матвей, привет! – Ванька, возбужденный, увидел его и, покинув свое место в толпе, пошел навстречу Матвею.

– Привет, – они пожали руки.

– Хочешь знать по какому случаю сбор?

– Рассказывай.

– Пошел я значит в магазин за хлебушком, а тут такое! – начал Ванька. – Мужик этот, из Больших Оригиналлов который, помнишь, я о нем рассказывал? Ну вот. Иду значит за хлебушком, этот мужик свою собачку выгуливает. Всегда за ним весело наблюдать, здоровенный, накаченный, лысый, а собачка с кулак, маленькая, даже на пуделя не тянет. Гуляет значит этот Большой Оригинал свою собачку, сам как обычно серьезный. И вдруг. Отпускает поводок. Подходит к дереву и начинает биться головой о ствол! Ты представляешь?! Собачка бегаёт вокруг, заливается лаем, а мужик знай себе долбится как дятел в березу. Уже и лоб весь в кровь разбил и все равно продолжает. Бум! Бум! Бум! Бум! Охренеть, да?

Матвей кивнул. Он осматривал толпу, но мужика этого видно не было.

– Ты слушай, что дальше было. Тут во дворе еще несколько человек было, они его попытались успокоить. Тот ни в какую. Долбится и долбится. Я тоже подхожу, грю: «Мужик, ты вон лучше в тополь подолбись, у него древесина помягче». Реакции никакой. Решили, что под наркотой мужик или шифер потек, ну в смысле, кукушка окончательно съехала. Вызвали скорую. Те ехать не хотели, грят, вызовов много, грят, Москва сегодня с ума сошла. Ну не она одна. В общем, прислали они психиатрическую скорую. Выходит фельдшер, смотрит на дятла и говорит: «Ну да, наш человек», и добавляет своим ребятам в белых халатах: «Пакуйте». Санитары к мужику. Пытаются отнять от дерева, тот продолжает долбиться лбом. Тогда вкололи ему что-то, видать, успокоительное. И не поверишь. Дальше только еще хуже стало. Мужик будто с цепи сорвался. Затрясся весь, налился кровью, рычит чего-то, хлопья пены изо рта летят. Жуть! Я отошел подальше. Думаю, ого! Надо же! Как в каком-нибудь фильме. Ну зомбьяк сто процентов! Верняк. И мужик кидается на санитар и пытается его укусить. Укусить! Серьезно говорю! Впивается ему в шею зубами, и вдвоем они катятся по земле. Собачка кидается на помощь хозяину, и цепляется в штанину санитар! Фельдшер, второй санитар и водитель пытаются скрутить мужика, колют тому еще что-то. Но тот не пробиваем. Сначала как дятел в дерево долбился, не остановить. А теперь вцепился зубами и не отпускает. Белые халаты его и так и

сяк. Водила монтировку из машины притащил и давай мужика по спине хреначить. Этот дятел-зомби бросил грызть медбрата, и кинулся на водителя. Короче, не известно, чем бы все закончилось, но кто-то, видно, понял, что врачам мужика не осилить и вызвал полицию. Три наряда понадобилось, чтобы мужика скрутить. Три! Ух! Ну и битва была. Семь человек покусанных! Ты представляешь? Покусанных! Покусанных амбалом с собачкой. Ха-ха. А самое забавное, в этой истории знаешь, что? Уже когда все закончилось, фельдшер сидит на скамейке, бинтует сам себе руку и говорит, что за сегодня это уже не первый случай в Москве. Уже с десятков бригад пострадало. Зомби-апокалипсис наступает не иначе! Ха-ха!

– Значит, надо не только хлебушек купить, но и консервов про запас, – поддержал Ваньку Матвей.

Ванька помолчал.

– А знаешь, смех смехом, но ты прав, – Ванька засуетился, словно собрался уходить. – Надо на всякий случай подкупить продуктов. Мало ли чего.

– Ага, надо. Но думаю, что просто новой наркоты в Москву привезли, горячей как пирожки, вот людям и сносит башню. Я, конечно, писатель и с фантазией дружу, но даже я не могу представить себе, что наступит зомби-апокалипсис. Живые мертвецы? Ну-ну.

8

«Если они увезут тебя в больницу, то на ужин тебе не попасть», – мелькнуло в голове. Все плыло и двоилось перед глазами Вадима Панова. Он то и дело проваливался в комнату со стенами из кровавого тумана. Хотелось сдать, пусть его увезут в больницу и вылечат. Ужин не так уж и важен. Это будет всего лишь маленькое пятнышко на его репутации профессионала, и за время съемок он успеет себя реабилитировать.

Ты просто боишься болеть, думал Вадим. Ведь болеют обычные люди, а ты не такой, ты особенный. Ты просто боишься признать, что несовершенен, как и все. В болезни нет ничего предосудительного, пока ты не делаешь из нее культ. Может быть, все и так, но Вадим Панов не ложится в больницы, пока есть незавершенные дела!

Последние полчаса были обрывочны, и он видел происходящее, будто наблюдал за собой со стороны. Он помнил, что в такси его начало рвать. Водитель решил, что он пьян и, обругав, вышвырнул из машины. Вадим был слишком слаб, чтобы сопротивляться. Он хотел поставить водителя на место, пообещав ему суровую кару, но провалился в красную комнату.

Потом, когда Вадим снова пришел в себя, он вроде хотел позвонить Наташе, но сотовый так и не нашел. Либо забыл в офисе, либо выронил в такси. А может, таксист забрал как компенсацию за изгаженный салон.

Вадим увидел вход в метро. Люди проходили мимо, не обращая на Вадима никакого внимания. Он вновь провалился в красную комнату и вновь оказался лицом к лицу с черным силуэтом. Вадим стал доказывать силуэту: он, Вадим Панов, достоин того, чтобы его пустили в примерную Анжелины Джоли, когда та будет переодеваться. Тень качала головой: нет, такой чести он еще не заслужил. Вадим расплакался. Но он ведь так старался! Сколько фильмов он уже снял! Сколько денег сделал! Голливуд уже слышал о нем и не раз! Ну хотя бы одним глазком? Но тень лишь в молчании качала головой, и от этих движений в такт колебался кроваво-красный туман стен.

Вадим пришел в сознание и обнаружил себя в каком-то огромном светлом помещении. Вокруг было светло, и всюду был мрамор. Вадим на миг испугался, что оказался в больнице, но понял, что это всего лишь холл метро. Было непонятно, что это за станция и как ему добраться до дома. Вадим осмотрелся и увидел полицейских: скучающего парня в форме и красивую девушку.

Он пошел к ним, чтобы спросить, как ему добраться до дома, и вновь провалился в красную комнату. На этот раз тень пустила его в примерку. Он перенесся туда, словно моргнул гла-

зом, но примерка мало чем отличалась от красной комнаты. Стены, потолок и пол тут так же были затянуты густым кровавым туманом. Однако темного силуэта не было. Здесь у зеркала раздевалась девушка. Та самая девушка-полицейский, к которой он пошел узнать, где находится. Девушка сняла форменный китель, и под ним не оказалось другой одежды. Упругие груди отражались в зеркале. Сердце Вадима учащенно забилося, а по телу пробежала дрожь. Девушка сняла юбку и абсолютно голая стала любоваться собой. Дрожь усилилась, и Вадим чувствовал, как все его тело будто крутит. В затылке пульсировало от возбуждения. Он сделал шаг и положил руки на ее бедра. Тело свело сильнейшей судорогой экстаза. Девушка обернулась, молча толкнула его. Он упал, она оседлала его и, извиваясь телом, стала бить руками по его груди.

Вадим вновь пришел в себя. Никакой девушки не было. Вокруг собралась толпа, и все глазели на него. Вадиму хотелось послать их куда подальше. Не хер на него пялиться. Но язык не повиновался, и Вадим не смог сказать и слова. Два человека в белых халатах взяли его за плечи и ноги и положили на носилки. Носилки поднялись в воздух, и санитары понесли его куда-то.

Вадим смотрел вверх и видел белый потолок и мраморные колонны, заканчивающиеся в наверху пятиконечной звездой. Вадим не чувствовал своего тела, сознание, как и прежде, было затуманено и словно качалось на волнах, в голове крутилась раз за разом лишь одна мысль: «Если они увезут тебя в больницу, то на ужин тебе не попасть».

Носилки качались, его продолжали нести. Потолок поменялся несколько раз, а потом и вовсе исчез, и сверху застыло синее, абсолютно бесконечное небо без единого облачка. Голова закружилась, Вадима замутило, и он в очередной раз провалился в комнату, полную кроваво-красного тумана, на этот раз навсегда.

9

С последних двух пар они ушли. Незачем тратить время пятницы на скучные лекции по мировой истории. Пятница – священный день! Вечер пятницы – начало выходных! А если ты студент, то можешь себе позволить начать вечер пятницы уже перед обедом.

Антон, Леха и Кирилл так и сделали. У них были грандиозные планы на эти выходные. Во-первых, родители Кирилла уезжали до понедельника к родственникам в Тулу, а потому дача в Подмоскowie была в полном его распоряжении. А это шашлыки, банька, море выпивки и полная свобода дел и творчества. Во-вторых, их скромный студенческий бизнес по изготовлению сайтов на заказ впервые принес хорошие деньги. Поэтому было, что отметить, и было на что отметить. Гуляй не хочу! В-третьих, их девушки с радостью приняли приглашение. Первое, второе, третье – и выходные обещали получиться незабываемыми. Никаких тебе ханжей взрослых, никаких тебе посторонних, только они, куча выпивки и куча секса.

Антон, Леха и Кирилл ехали на отцовской машине Кирилла по Волхонке. Все было готово, только нужно было заехать в супермаркет за едой и выпивкой. А еще забрать девушек. Те должны будут ждать их возле памятника Энгельсу на Пречистенской площади.

Парни были возбуждены от предвкушения грядущего отдыха и под радио, не попадая ни в мелодию, ни в ритм, орали какую-то попсовую песню. Песня закончилась, из динамиков радио зазвучал новостной блок.

– Новости Москвы. Как сообщает пресс-центр УВД Москвы, сегодня в столице участились случаи немотивированной агрессии людей. Число пострадавших перевалило за тысячу. Всем раненым была оказана квалифицированная медицинская помощь. Пресс-центр не назвал причины вспышек немотивированной агрессии, однако порекомендовал гражданам быть внимательными и вызывать сотрудников полиции в случае возникновения похожих ситуаций. Мировые новости. Сегодня состоялся очередной саммит...

Кирилл переключил канал, и салон заполнился звуками западной музыки. Lana Del Rey пела «Born to die».

– Москва сходит с ума, – прокомментировал Антон.

– Москва сошла с ума уже давно, – Леха смотрел в окно на движущиеся мимо дома.

– Вовремя мы уезжаем.

– Ага.

– А прикиньте, вернемся, а Москвы уже нет.

– Ага, точно. Все люди сойдут с ума и просто будут тупо херачить друг друга.

– Вряд ли. Это все смишники истерят. Участились случаи немотивированной агрессии – это другое название для: наступила обычная московская пятница...

– хахаха

– ...Они просто не знают, чем еще заинтересовать слушателей, вот и выдумывают. Да и формулировка эта «случай немотивированной агрессии» настолько размыта, что туда подойдет что угодно.

– Ну да, в Штатах однажды покруче было. В течение суток произошло несколько случаев, когда люди бросались на других и начинали тех кусать. СМИ начали раздувать. Зомби-апокалипсис! Люди! Спасайтесь! Зомби едят наши мозги! Закончилось все тем, что сам пресс-секретарь президента Обамы сделал официальное заявление на фоне звездно-полосатого флага, что жителям Соединенных Штатов Америки не нужно опасаться восстания живых мертвецов, это невозможно и это никогда не произойдет.

– Ха-ха-ха. Во дают! А еще наверно добавил, что термины «зомби» и «живые мертвецы» неполиткорректны. Нужно называть их «мертвоамериканцы».

– Хахахахаха, – Леха с заднего сиденья свалился на пол от смеха и продолжал смеяться оттуда. – Мертвоамериканцы! Ха-ха, во даешь!

Они подъехали к Пречистенской площади и стояли на светофоре. Отсюда был виден памятник Энгельсу. Девушки уже ждали их.

– Эй, вы посмотрите, какой на Машке топик! О боже! Я не дотерплю до дачи.

– Вон возле банка свободное место. Там паркуйся.

– Я вижу.

Леха осматривался вокруг. Вон по правую руку Пречистенские ворота. Вон из дверей метро два санитара выносят носилки с каким-то мужиком, заляпанным кровью.

– Смотрите, – Леха указал в сторону людей в белых халатах. – Может, по радио и не ввали.

Санитары поднесли носилки к машине скорой помощи и собрались загружать их внутрь. Мужик, что до этого лежал без малейших признаков жизни, сел на носилках. От неожиданности один из санитаров отпустил свой конец носилок и те грохнулись на асфальт. Второй санитар сматерился. Мужик прокатился по асфальту, вскочил и зарычал. Глаза его были налиты кровью, бледная кожа покрыта темными пятнами и заляпана красным. Мужик бросился на выругавшегося санитаря и вцепился зубами в шею.

– Ты смотри! – кричал Леха. – Смотри!!! Ну не хера себе! Он же его сожрать хочет!

Второй санитар пытался оттащить мужика, но безрезультатно. Прохожие шарахались, ускоряли шаг, а некоторые просто побежали, чтобы оказаться подальше.

Сзади нетерпеливо засигналили. Светофор горел зеленым. Кирилл отпустил сцепление, и машина тронулась вперед. Мужик бросил грызть санитаря и повернулся на звук сигнала. Секунда, и он бросился на их машину. Антон, сидевший на пассажирском сиденье впереди, был ближе всего к мужику и от страха вдавился в кресло. Кирилл нажал на кнопку, и стекла в окнах стали подниматься.

– Он к нам бежит! Сворачивай! Сворачивай! – кричал Антон.

Со рта и подбородка мужика стекала кровь, мужик рычал и вот прыгнул на машину со студентами. Антон вцепился в руль и повернул его влево.

– Ты чего творишь! – выругался Кирилл.

Они оказались на другой полосе, и машина, ехавшая параллельно им резко вильнула в сторону, выскочив на встречную полосу. Окровавленный мужик долбанулся в стекло, и Антон завопил, пытаясь перебраться на заднее сиденье, подальше от окна. Мужик ударился несколько раз в стекло, оставляя на нем кровавые потеки. Утробное рычание заставляло сжиматься от страха.

Мужик замер, будто высматривал что-то. Водитель из соседней машины вылез и кричал на Кирилла. Мужик с кровавыми глазами кинулся на водителя. Они исчезли за машиной. «Участились случаи немотивированной агрессии». Кажется, теперь становится ясно, что журналисты имели в виду.

В седан со студентами кто-то врезался сзади, и машину хорошо потрянуло, толкнув вперед. Антон продолжал кричать, Кирилл орал на него благим матом, призывая успокоиться и заткнуться. Все смешалось. Леха вертел головой и пытался понять, что происходит.

Водитель автобуса, ехавшего по встречной полосе со стороны Остоженки, попытался объехать выскочившую машину и парочку сцепившихся в драке людей, но слишком сильно повернул руль. Автобус накренился и стал падать. Леха видел это как в замедленной съемке. Автобус увеличивался в размерах, разворачивался и падал прямо на них. Леха открыл дверь, собираясь выскочить из салона, но понял, что опоздал. Многотонная машина автобуса накрыла их, вдавливая седан в асфальт. Ужас заполнил все тело, крик Антона звенел в воздухе, Lana Del Rey продолжала тянуть свою «Born to die», а потом все взорвалось невыносимо громким скрежетом металла, и Леха понял, что это конец.

10

До здания Института стран Азии и Африки на Моховой Влад Майченко и Андрей Зимин добрались почти на час позже начала заседаний. Они вошли внутрь и разошлись, так как участвовали в разных секциях форума. Влад вошел в указанную в программке аудиторию, и люди внутри на миг посмотрели на него, просто потому, что он своим появлением привлек их внимание, а потом продолжили слушать докладчика. Влад сел на свободное место и тоже стал слушать.

Ближе к обеду наступила очередь его выступления. Влад вышел на кафедру, положил доклад на подставку и прочитал все по бумаге. Он не поднял глаза ни разу. Он не видел, как слушатели воспринимают его, следят ли за его словами или заняты своими делами. Конечно, выступления так не делаются, но мысли Влада крутились вокруг отношений с Олесей, его женой. Влад до последнего не верил, что развод состоится. Не верил он в это и сейчас, когда документы уже были готовы. Но голос в его голове повторял раз за разом: «Все. Пути назад нет. Ты разведен». Он читал по бумаге, потому что боялся потерять нить доклада, боялся, что на середине фразы остановится, уйдя в мир своих переживаний, боялся расплакаться, наконец.

Его доклад был принят без особых восторгов, но и без осуждений. Просто еще один научный доклад. Кто-то задал вопросы, Влад ответил на них. Есть еще вопросы к докладчику? Нет? Спасибо, Владислав Юрьевич. Следующий доклад представит Коротков Алексей Борисович, кандидат экономических наук...

Вот и все. Горы остались стоять на месте, всем было плевать. Жизнь Влада распадалась на части. Его бросила жена, а теперь рассыпались мечты о блестящей научной карьере. Его экономические идеи, которые он считал чуть ли не гениальными, приняли с тем же энтузиазмом, с каким слушают прогноз погоды. Завтра возможен дождь? Ну что ж, пожалуй, на всякий случай стоит приготовить зонт.

Утренние заседания закончились, и участники форума стали расходиться из аудитории. На обеде Влад встретился с Андреем, и тот спросил друга, как он держится. Прекрасно, ответил Влад. Как прошел доклад? Замечательно. Пара маститых профессоров увели Андрея с собой. Андрей был немного легендой. Все они, ученые, были всего лишь теоретиками, книжными червями, а Андрей Зимин побывал на передовой и знал врага в лицо. Пять лет он проработал в японской финансовой компании, которая по сумме годового дохода входила в десятку крупнейших игроков в Азиатском регионе. Когда Андрей дал согласие работать преподавателем на кафедре международных экономических отношений в Институте стран Азии и Африки, ректор института, на одном из экономических саммитов в шутку позвавший Андрея занять у них должность доцента, потерял дар речи. Конечно, Андрей выторговал себе очень хорошие условия и получил все, что институт мог предложить.

Андрей был старым другом Влада, и они многое испытали вместе, но Влад чувствовал, что успехи Зимина вызывают у него зависть и злость. Без списываний у Влада, Андрей, скорее всего, вообще бы не закончил высшее образование, а теперь работает преподавателем в МГУ и уже почти профессор. То, к чему Влад так усердно стремился, Андрей получил шутя, не прилагая усилий. Все, о чем мечтал Влад, Андрею принесли на блюде с голубой каемочкой и еще долго упрасивали, чтобы он удостоил всех чести принять этот дар. Ну почему жизнь так не справедлива? Ну почему у некоторых есть любимая работа, деньги, крепкая семья, а у других ничего? ПОЧЕМУ?!

Сидя за столом, Влад ковырялся в тарелке. Есть не хотелось. То ли похмелье еще давало о себе знать, то ли просто не было настроения.

– Свободно? – не дожидаясь ответа, девушка села напротив него. – Приятного аппетита. Влад кивнул, не удостоив девушку ответа.

– Мне понравился ваш доклад. Действительно, сильный! Если бы не ваше монотонное чтение, думаю, многие бы смогли оценить ваши идеи по заслугам.

Влад поднял взгляд на девушку. Лет 27-28, симпатичная, стройная, одета со вкусом. Девушка улыбнулась ему и попробовала салат из своей тарелки.

– Ммм, вкусный.

– Вы слушали мой доклад? – спросил Влад.

– Да. И повторюсь, он мне понравился. Вы очень изящно подали пару очень спорных идей. Подозреваю, что никто не стал с вами спорить, просто испугавшись вас.

– Испугавшись?

– Ага. Уж больно грозный был у вас вид. Моя соседка заметила, что взгляд, похожий на ваш, должно быть был у русских солдат, когда они брали Рейхстаг.

– Странно, я скорее был расстроен, чем зол.

– А по вам и не скажешь. Такое ощущение, будто вы готовитесь к какой-то серьезной битве.

Влад рассмеялся.

– Если бы все так и было, – сказал Влад. – А вы свой доклад читали уже? Кажется, я запомнил, о чем он был.

– И не старайтесь вспомнить. Я выступала в самом начале, когда вас еще не было. Как сказал, этот любвеобильный профессор с блестящей лысиной, я была прекрасным цветком, что расцвел первым при лучах восходящего солнца.

– Ну прям поэт, – рассмеялся Влад.

– Я тоже так подумала. Какой поэтический талант пропадает в дебрях экономической науки! Меня Александрой звать. Но вы можете звать меня Сашей.

– Саша, кандидат экономических наук?

– Да, – рассмеялась девушка. – Саша, кандидат экономических наук из БФУ имени Иммануила Канта.

– Так вы к нам приехали из Германии?

– Что вы, это Калининград.

Обед закончился, и пора было возвращаться в аудиторию на послеобеденное заседание. Снова доклады, снова вопросы, снова наука. Влад Майченко и Саша из Калининграда шли по коридору. Через ряд окон падал яркий свет. Май выдался теплый, лето ощущалось все сильнее и сильнее.

– Саша, вы очень сильно хотите побывать на этом заседании? – спросил Влад.

– Там должно быть пару интересных докладов.

– Погода чудная. Нужно запретить людям заниматься наукой весной и летом. Для науки есть осень и зима. А лето и весна должны быть отданы для чего-то иного.

– Для чего же?

– Моя концепция этим и слаба. Я пока не придумал для чего людям лучше использовать весну. Но заниматься наукой в такую погоду – это кощунство.

– Вы предлагаете сбежать с заседания? – спросила Саша. – Ммм, прям как в старые добрые студенческие времена.

– Так вы не против покинуть сей храм науки?

– Я только за. И чем мы займемся?

– Я думаю, весна нам сама подскажет.

– Звучит интригующе.

Когда они развернулись и пошли обратно по коридору, шедшие им навстречу участники форума с интересом смотрели на них. Какой же у всех участников был скучный и заумный вид. Неужели и я таким был? Гений, знающий, как решить глобальные экономические проблемы, гений, от которого ушла жена потому, что устала жить на его скромную зарплату. А, пропади оно все пропадом. Андрюха был прав там в метро. Пора уже что-то менять.

Они покинули здание института и вышли на тротуар. Напротив, через магистраль раскинулись Александровский сад, Манежная площадь, были видны стены и башни Кремля, а чуть сбоку Исторический музей. Все было залито солнечным светом и сверкало, будто в какой-то волшебной сказке.

– А и правда, – рассмеялась Саша. – В такой день сидеть и слушать научные доклады – это преступление против человечности.

– И я про то же. Куда пойдем? Прогуляемся по Красной площади для начала?

– Обязательно. Я еще вчера хотела там побывать, но не удалось дойти.

Они пошли по тротуару к переходу. Влад смотрел на Сашу. Девушка была далека от существующих идеалов математической красоты. Любой, подошедший к ней с линейкой, ушел бы разочарованный, а господа геометры, у которых встает только от цифр 90х60х90, конечно, нашли бы много изъянов. Но девушка была стройной, симпатичной и чертовски жизнерадостной. Юбка обтягивала неширокие бедра, а блузка выгодно подчеркивала небольшую грудь. Влад должен был признать самому себе, что девушка ему нравилась.

– Значит, вы там у себя в Калининграде занимаетесь наукой и преподаете?

– Не только. В жизни есть много интересных дел.

– И, наверно, встречаетесь со своим молодым человеком?

– Нет, к сожалению, я ни с кем не встречаюсь. А я все ждала, когда же вы зададите мне этот вопрос.

– Хах. Что вы, я женат.

– Женаты?

– Почти. Не общаюсь с женой уже почти год, а сегодня она любезно сообщила мне по телефону, что бумаги о разводе готовы. Так что я, да, женат, но от одинокой холостой жизни, наполненной депрессивными мыслями и самоедством, меня отделяет всего одна подпись.

– Печально.

– И не говорите.

– Значит, жена звонила вам утром, перед вашим выступлением? Именно поэтому вы были такой злой.

– Звонила. Но я был не злой, я был расстроен.

– Вы были злой! Поверьте мне. Очень злой, готовы были горы свернуть!

– Ладно. Пускай злой. Не будем об этом. Погода-то какая! Весна! Лето! Чудно-то как!

Плевать на проблемы, жить-то как хочется!

– Вот опять. Вы говорите такие правильные вещи, а такое ощущение, что вы готовы кого-нибудь убить.

Влад рассмеялся.

– Возможно, Саша, вы и правы.

– В том, что вы готовы убить?

– Нет, в том, что я злюсь. Я расстроен. Я расстроен, что жена меня бросила. Но, боже, как же я ненавижу! как же я ненавижу свою жизнь!!!

Они подошли к Историческому музею и шли в молчании. Саша рассматривала музей. Влад смотрел на Сашу. Что-то манило его в ней. То, что начиналось как короткая интрижка, теперь переросло ее. Спрашивать, есть ли у нее парень, было ошибкой. И слишком уж он углубился в свои проблемы. Саша заинтересовалась им, и она была интересна ему. Все могло бы закончиться двумя прекрасными совместными ночами. Этакая командировочная романтика в атмосфере расцветающей майской Москвы. А потом бы она уехала в свой Калининград, а он к себе в Сибирь. Но он сказал о себе слишком много, и чем теперь все закончится, непонятно.

Если ты будешь на нее пялиться, то она сейчас уйдет. Вспомнит, что забыла в институте сотовый, и уйдет. А ты останешься здесь и будешь проклинать себя самыми нелестными словами.

Влад посмотрел по сторонам. Народу было полно, а Красная площадь была слишком хороша, чтобы продолжать злиться на себя. Влад и Саша в молчании дошли до Мавзолея.

Русский гид, симпатичный улыбающийся парень, организовывал у Мавзолея фотосессию для группы то ли японских, то ли корейских туристов. Судя по происходящему, замысел был таков: устроить групповое фото вместе с актерами, изображающими российских политических деятелей. Петр I возвышался над азиатскими туристами точно в центре, Брежнев, Сталин, Ленин и Хрущев через одного разбавляли иностранцев. Гид с фотоаппаратом в руках построил всех на фоне Мавзолея и сделал несколько снимков. Туристы разошлись и стали фотографироваться с актерами в гриме политиков по отдельности.

– Особенно хорошо получатся фото с Лениным, – сказала Саша. Они с интересом наблюдали за происходящим.

– Почему? – спросил Влад.

– Фотография с Лениным на фоне Мавзолея. Ну?

– А, все, понял, – Влад рассмеялся. – Ночью спит, днем работает.

Саша рассмеялась.

– Я не это имела в виду, но так даже смешнее.

Влад смотрел на улыбающуюся Сашу, в глазах у той блистали огоньки. Их взгляды встретились, и Саша улыбнулась как-то по-особому. Влад это сразу понял. Эта улыбка была только для него. Возможно, жизнь не так уж и плоха, подумал Влад. Актер в гриме Ленина закашлял, сначала слабо, потом сильнее, бухая и бухая, пытаясь прокашляться. Влад посмотрел по сторонам, на толпу на Красной площади. Еще человек десять-двенадцать донимал кашель.

Исторический музей. Все давно хотели есть, и на экскурсию было плевать. Наконец, девушка-экскурсовод сказала, что осталось глянуть одним глазком на Мавзолей и они поедут на обед. Глянуть одним глазком – это значит пяти-десятиминутная история о достопримечательности.

Они встали полукругом возле Мавзолея, и девушка, указывая рукой, рассказывала о Мавзолее. Паша даже слушать не пытался. Куда интереснее было наблюдать за японскими туристами, что проводили фотосессию с актерами в гриме российских политических деятелей. Актеры знали свою работу, но сложно было удержать улыбку, когда кто-то из низких ростом иностранцев фотографировался с двухметровым Петром I.

– Ты посмотри на Ленина, – шепнул Паше на ухо Ромка.

Паша глянул в указанную сторону. Либо грим был плох, либо актер вышел на работу, будучи больным, но Ленин выглядел не лучшим образом.

– Выглядит так, будто вышел из Мавзолея косточки размять, – шептал Ромка. – Не, ну серьезно. Кто так грим кладет? Японцы вон его сторонятся как чумного.

Актер в гриме Ленина зашелся в очередном приступе кашля, вот весь затрясся и вдруг замер, глядя вокруг себя налитыми кровью глазами.

– Блин, ты смотри, – сказал Ромка. – Помню, я как-то гадал, если начнется зомби-апокалипсис, то встанет ли обитатель Мавзолея и побежит ли по улицам Москвы. А тут... Такое ощущение, что мои мысли сбываются.

Актер в гриме Ленина и вправду выглядел как зомби, вот он зарычал и побежал к японским туристам и гиду. Актер размашисто ударил российского гида по голове и, когда тот упал, склонился над ним и вцепился зубами ему в шею.

– Блин, ну ни хрена себе! – кричал Ромка. – Смотрите! Смотрите! Ленин восстал из Мавзолея и кидается на людей. Ленин превратился в зомби!

– Рома! – одернула старшекласника Анастасия Сергеевна.

Японские туристы с увлечением наблюдали за происходящим. Видимо, считали, что это часть развлекательной программы. Остальные актеры стояли растерянные.

Вот актер в гриме Ленина поднялся, осмотрелся и кинулся на Сталина. Тот попытался защититься. Выглядело это немного комично, словно карикатура озлобленного демократа. Ленин-зомби с окровавленными ртом и зубами пытается загрызть Сталина. Брежнев, Хрущев и Петр I, крепко схватив вождя мирового пролетариата за руки, пытались оттащить его от защищающегося актера.

Ромка ткнул Пашу в бок и показал за спину. Паша оглянулся. Сюрреалистичная сцена, которую он наблюдал перед Мавзолеем, повторялась по всей Красной площади. Только в ролях были обычные люди. Вон парень в синей футболке вцепился зубами в бок фигуристой блондинки в весьма откровенном топики. Вон другой парень с наушниками на голове оседлал спину упитанной дамы почтенного возраста и грызет ей шею. Вон девушка, и еще одна, и вон пара туристов, и вон влюбленная пара, и еще несколько человек, все выглядели как зомби из фильмов ужасов и кусали или пытались укусить человека рядом. Со всех сторон слышалось утробное рычание. Внизу живота похолодело, и Паша, словно замороженный, смотрел, как миниатюрная девушка-эмо несколькими широкими и хаотичными ударами опрокинула на брусчатку Красной площади высоченного актера в гриме Петра I и теперь, склонившись над телом, вгрызалась ему в лицо, отрывая куски кожи с носа, щек и лба.

Паша пересмотрел множество фильмов про зомби, но то была просто выдумка, фантастика, а зачастую откровенный бред сценариста. Паша не верил в зомби-апокалипсис. Но сомневаться не приходилось: это был именно он, зомби-апокалипсис собственной персоной. И Ленин-зомби, грызущий усы Сталина на фоне Мавзолея, при всей комичности ситуации заставлял поверить в восстание мертвецов больше всего.

Анастасия Сергеевна закричала, указывая куда-то рукой. Нервы стервы сдали. Паша проследил направление. Русский гид, фотографировавший японцев, шатаясь, встал. Кровь хле-

стала из огромной раны на шее. Гид зарычал и кинулся на одного из японских туристов. Паша обернулся. На площади царил хаос. Бледные, окровавленные, напоминающие зомби люди были явно чем-то заражены. Зараженные нападали, били и кусали здоровых. Жертвы, с кровью текущей из ран, поднимались с брусчатки и тоже бросались на здоровых. Зомби-апокалипсис разрастался. Площадь была заполнена рычанием, криками и стонами.

– Бежим! – крикнул кто-то из учеников, и их класс сорвался с места.

Паша схватил Аню за руку и побежал. Они двигались в сторону Васильевского спуска. Площадь пришла в движение, и множество людей побежали кто куда.

Девушка-эмо бросила свою жертву, в два прыжка настигла Анастасию Сергеевну Машкину и ударом руки опрокинула ту на брусчатку. Скромный учитель физики Горчаков, или как звали его ученики Степаныч, налетел на девушку-эмо, так приложившись к ней плечом, что та отлетела от Машкиной на несколько метров и растянулась возле ограждения. Горчаков помог подняться Анастасии Сергеевне и потащил ее за собой, все ускоряя бег.

Зараженных становилось все больше, и они нападали со всех сторон. Паша, крепко сжав руку Ани, бежал мимо Храма Василия Блаженного. Аня еле попевала за ним. Обоих гнал страх. За спиной, словно рев многотысячного стадиона, звенели в воздухе крики и стоны людей.

12

Не нужно быть кандидатом экономических наук, чтобы понять, что когда на тебя, выпучив налитые бешенством глаза, бежит Брежнев, а с его зубов капает кровь только что покусанного японского туриста, не надо задавать вопроса «Что происходит?», нужно бежать.

Влад Майченко схватил Сашу под локоть и увлек в сторону, подальше от зараженных актеров и туристов. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее, руки дрожали от прилива адреналина. Влад осмотрелся. Группа школьников, что подошла к Мавзолею, незадолго до начала, бежала в сторону Васильевского спуска. Там был просвет между Храмом Василия Блаженного и стеной Кремля. Что их ждет там, было неизвестно, но в любом случае нужно было двигаться, нужно было убираться подальше от хаоса на Красной площади.

– Бежим, – сказал Влад и потянул Сашу за собой.

Они бежали вместе с остальными. Влад оглянулся. Красная площадь пустела. Люди растекались в разные стороны, а на брусчатке оставались они, кто бы они ни были: накаченные наркотой, зараженные, просто больные. Кто-то шатаясь, смотрел по сторонам, словно высматривая новую жертву, но большинство, раболепно преклонив колени перед лежащими на брусчатке телами, пировали.

– Что происходит? – спросила Саша.

– Не знаю. Нам просто нужно убраться отсюда подальше.

Они бежали мимо Покровского собора. Поток людей тек по Васильевскому спуску. Школьники лихорадочно залазили в узкие двери большого блестящего автобуса. Саша потянула Влада к ним.

Молодой высокий парень, видимо, сопровождающий старшеклассников учитель, махнул им рукой, приглашая внутрь. Он посадил Сашу, и, когда в автобус поднялся Влад, залез сам. Влад видел через окно, как к автобусу устремились еще несколько человек. За ними по пятам бежали несколько зараженных. Учитель, стоя на подножке, посмотрел на класс, перевел взгляд на бегущих к автобусу людей, потом на зараженных.

– Закрывай, – сказал учитель.

Водитель помедлил еще секунду, и вот двери автобуса с шипением закрылись. Кто-то из людей сразу свернул и побежал дальше к набережной. Двое принялись колотить в закрытые двери, но, как только зараженные приблизились, обругали спрятавшихся в автобусе и побежали вдоль стоянки.

– Что происходит? – спросил водитель. Он, видимо, сидел в автобусе, и происходящего на Красной площади не видел.

– Не знаю, – покачал головой молодой учитель.

– Это зомби-апокалипсис! Как в фильмах! – раздался крик из глубины автобуса.

– Вообще жуть! – подхватил его другой голос. – Вы видели, как Ленин выбежал из Мавзолея? Ленин восстал! Восстание мертвецов как в фильмах!

Влад нашел свободное кресло и посадил в него Сашу. Сам сел через проход напротив. В автобусе они вроде были в безопасности. По крайней мере, никто к ним не долбился и не пытался проникнуть внутрь. Произошедшее на Красной площади в голове никак не укладывалось. Что это было? Что вообще это было?!

Влад пытался сосредоточиться, чтобы представить сложившуюся ситуацию в четких и знакомых терминах и выработать хоть какой-нибудь план действий, но мысли не хотели подчиняться, в голове был хаос и сконцентрироваться не получалось. Влад смотрел в окно, на пространство Васильевского спуска. Несколько машин торопливо покидали стоянку. Людей было мало, все разбежались, только в паре-тройке мест склонившиеся в странной молитве зараженные ковырялись в телах не успевших скрыться людей.

– Уезжать надо, – услышал Влад свой голос.

Учитель, что запустил их, посмотрел на Влада, потом перевел взгляд на даму лет сорока, видимо, тоже учителя. Дама пустым взглядом смотрела перед собой. Молодой учитель прошел по проходу между сиденьями, считая старшекласников. Вернулся на пяточок рядом с водителем и сказал:

– Анастасия Сергеевна, все здесь. Предлагаю поехать в гостиницу. Думаю, там класс будет в безопасности.

Погруженная в себя дама никак не прореагировала на его слова.

– Поехали, – сказал учитель, обращаясь к водителю.

– В гостиницу?

– Да.

Автобус тронулся с места. Влад почувствовал, как Саша взяла его за руку. В груди Влада пульсировал странный неуют. Майченко осмотрел салон. Они все: человек тридцать старшеклассников, несколько взрослых, видимо, таких же случайных прохожих, что укрылись в автобусе, двое учителей – были заперты здесь. Закрытые двери и окна были надежной защитой от угрозы снаружи, и столь же надежно удержат их внутри, если случится что-то в салоне. Всего лишь один зараженный, и хаос, что был на Красной площади, повторится здесь.

Автобус проехал Васильевский спуск и выехал на набережную. Влад посмотрел назад. На покинутой стоянке были видны несколько зараженных, что в тени машин копались возле неподвижно распростертых тел.

Автобус повернул, и Влад увидел стоящий на обочине шоссе огромный билборд с рекламой БК-Нано. На газоне под билбордом одетый в толстовку парень, стоя на коленях, склонился над телом девушки. Голые ноги девушки были раскинуты, а задрывшаяся короткая юбка открывала взору голубое белье. Парень с сосредоточением жевал левую грудь девушки, раскачиваясь над ней в странной молитве.

Автобус набрал скорость и поехал в сторону Храма Христа Спасителя. Пребывавшая в шоке учительница затряслась в приступе кашля.

13

Лейтенант Астахин о чем-то переговаривался с врачом бригады скорой помощи. Они отошли в сторону, к краю платформы. Алена не слушала разговор, все внутри кипело. Неподалеку стояла девушка в наушниках, из которых даже сквозь шум метро доносилась музыка. Это был Стинг с песней «Desert rose».

Песня уносила Алену вдаль, в другие, затерянные и манящие края, туда, где море сверкает голубизной, туда, где песок нежен и бел, туда, где теплый ветер ласкает полуобнаженное тело и обещает иную, спокойную жизнь.

Тот мужчина на перроне, упавший на мрамор в странном припадке, вовсе не умер. Пульс был слаб, и Алена решила, что мужчина погиб. Фельдшер сказал, что она молодец, что все правильно сделала. Но она поняла, что те десять минут, в течение которых она делала искусственный массаж сердца, были не нужны. Усилия оказались напрасны. Мужчина был жив, просто в глубокой отключке. А она, идиотка, этого не заметила.

Мужчина в конце концов пришел в себя и начал стонать. Санитары унесли его на носилках. Фельдшер предложил сделать Алене укол успокоительного, но она отказалась.

Врач попрощался с Аленой и пошел вслед за своими, уже ушедшими коллегами. В мраморном вестибюле станции уже все стало по-прежнему.

Лейтенант Астахин вернулся на перрон и стоял там, разговаривая по рации.

Руки Алены дрожали от усталости. Только что она была героиней, спасающей человеку жизнь, а вот превратилась в идиотку, что не заметила слабый пульс. Алена смотрела на перепачканные в крови ладони. Пальцы и кисти дрожали. Перед глазами в припадке трясся тот мужчина. Люди замерли вокруг и с интересом смотрели на происходящее, и всем было плевать, и на нее, и на больного мужчину.

Алена почувствовала, что сейчас заплачет. Подъехал поезд метро, девушка в наушниках вошла в вагон, унося с собой Стинга. Двери закрылись, поезд ушел, и Алена осталась на перроне одна. Горечь в груди и слезы потихоньку отпускали.

14

Три года назад Катя Михайлова покинула свой маленький, богом забытый уральский городок и поехала искать счастья в столицу. Тогда это казалось решением всех проблем. Просто начать жизнь заново. Оставить за далеким уральским хребтом деспотичных, вечно ссорящихся родителей. Оставить друзей, что появляются только когда им что-то нужно. Оставить ненавистную работу с жалкой зарплатой. Оставить одинокое серое существование. Перевернуть страницу и начать новую главу в жизни. Более интересную, более яркую, более насыщенную.

Но где-то через полгода, когда эйфория от переезда в новый город прошла, Катя поняла, что жизнь не слишком то и изменилась. Появились новые проблемы, новая работа была во многом отвратительна, а серая и одинокая жизнь так и осталась серой и одинокой.

Катя жила со своей одногруппницей, приятельницей по вузу. Та ей не особо нравилась, но вдвоем платить за квартиру было проще. Однако в ближайшее время соседка собиралась переехать жить к своему парню, а значит, придется либо платить за квартиру одной, либо снимать комнату, либо искать новую соседку. Любой вариант вызывал отчаянье. Где она, та самая, яркая и счастливая жизнь? Почему ничего не изменилось? Стало все только хуже. Ведь после переезда в Москву все проблемы приходится решать самой.

Было еще только обеденное время, а Катя уже ехала с работы домой. Так уж сегодня получилось. Она работала администратором в фитнес клубе и всегда возвращалась домой затемно. Но сегодня в зале с бассейном произошел «несчастный случай», и их всех грубо и в спешке вытолкали через парадные двери на улицу и отправили по домам.

Катя чувствовала себя прескверно. Она краем глаза заметила, что творится за дверью в зал с бассейном, когда туда заходил владелец клуба Артур. Ну а грубое отношение, когда их просто вытолкали из клуба, вообще выбило ее из колеи. Атмосфера на работе и так была далека от покоя тропического острова, а тут с ними поступили так, будто они вообще не люди.

Все сиденья в вагоне метро были заняты, и ехать пришлось стоя. Несчастья прямо-таки преследовали ее сегодня. Катя ничего так не хотела, как присесть, а в груди пульсировала тоска

поистине вселенская. Обида на начальство колом стояла в горле. Если в скором времени кто-нибудь не освободит место, то она просто осядет прямо здесь посреди вагона и расплачется на глазах у всех.

На сиденье напротив развалился парень. Он беззастенчиво разглядывал ее, то и дело задерживая взгляд на ее обтянутой топиком груди или ногах, открытых короткой юбкой. «Козел, – подумала Катя. – Ну что за парни здесь в Москве! Одни озабоченные, самовлюбленные козлы».

Под взглядом парня Катя чувствовала себя неуютно. Связано это было с тем, что она была одета в рабочую форму – короткую обтягивающую юбку и открытый топик с яркой эмблемой фитнес центра на всю грудь. Катя предпочитала более консервативный стиль в одежде, но сегодня переодеться обратно в привычные джинсы и блузку с длинным рукавом не удалось.

Женщина, сидевшая рядом с парнем, гулко закашляла. От кашля лицо женщины покраснело, и были видны вздувшиеся вены на лбу и висках. Беззастенчивый парень закашлял в ответ. Как же мерзок этот город! Катя отвела взгляд.

С утра работа шла как обычно. Редкие посетители заходили, Катя приветствовала их, и они отправлялись на тренировку. Еще один бессмысленный скучный день. Несколько часов жизни, обмененные на деньги. Деньги, большая часть которых уйдет на плату за квартиру. Работаешь, чтобы жить в Москве. А живешь в Москве, чтобы работать на этой бесперспективной и нудной работе. Замкнутый круг какой-то получался. И не было в нем место той самой счастливой жизни. Только горькое увядающее существование.

Монотонность дня была нарушена странным шумом из-за двери в зал с бассейном. Посетители попадали к бассейну из тренажерных залов, но была еще одна дверь, которая пряталась за стойкой ресепшн. Дверь вела напрямую к бассейну, минуя всякие там душевые и раздевалки.

Шум вызывал в голове картинку, будто кто-то борется или дерется. Раздалось рычание, прозвучавшее как взрыв, и Катя вздрогнула. Она подошла к двери, боясь ее открыть. Воображение рисовало самые разные, странные и абсолютно сюрреалистичные картины.

Всплеск воды, словно с порядочной высоты в воду упал человек. Крики и топот бегущих ног. Снова рычание, и пронзительный вопль в десятки раз сильнее. Вопль, холодящий сердце.

Катя держала ручку двери. Катя была в ужасе. Она чувствовала, как сердце лихорадочно бьется зажатое в тесной груди. Руки были влажные от пота. «Не открывай», – прозвучал голос в ее голове.

Кто-то грубо дернул ее за плечо, отталкивая от двери. Это был Артур, владелец клуба. То, что он находился здесь в такую рань, значило лишь одно. Ночь он провел в своем клубе, развлекаясь с очередной пассией. Уборщицы рассказывали, что после очередной «ночной работы» Артура в парной или сауне им приходилось убирать бутылки из-под алкоголя, а иногда и использованные презервативы.

Артур открыл дверь и вошел внутрь. Дверь закрылась за его спиной.

Того небольшого мгновения, что проем был открыт, Кате хватило, чтобы увидеть зал с бассейном. Первое, что бросилось в глаза, – это обилие красного цвета. Цветовая гамма бассейна всегда была белая, голубая, светло-бирюзовая. Чистота и стерильность – если двумя словами. Сейчас эти чистота и стерильность были нарушены, просто взорваны обилием красного цвета. Кроваво-красного.

Катя осмысляла ту картину, увиденную за миг, и мозг услужливо расшифровывал и находил слова для каждой яркой детали. У самой кромки бассейна лежали поодаль друг от друга два залитых кровью тела. Две фитоняшки в откровенных купальниках, у одной верхняя часть купальника съехала, открывая грудь.

А много ближе к двери были еще двое. Парень из службы спасения бассейна. Он лежал в луже собственной крови и пытался ползти к двери. На его спине словно гарпия восседала еще одна фитнес красавица и грызла парня за шею.

Катю кто-то грубо дернул и потащил от стойки ресепшн. Она очнулась. К входным дверям ее тащил Артур, владелец клуба. Катя так была погружена в собственные мысли, что не заметила, как тот вышел через дверь к бассейну. Катя обернулась назад.

– Мои вещи, – выдохнула Катя, пытаясь сказать, что все ее вещи остались в раздевалке для персонала. Артур нервно развернулся, двумя огромными шагами одолел расстояние до стойки, сгреб рукой вещи с полки: ее телефон и сумочку. Еще миг и Катя оказалась выставлена на улицу. Артур грубо сунул телефон и сумочку ей в руки.

– На сегодня ты свободна. Иди домой, отдохай. И запомни, здесь ничего не произошло.

Катя еще не успела прийти в себя от происходящего, как к ней присоединились несколько посетителей клуба, которых не особо вежливо вывели из дверей два тренера-парня. Посетители клуба были одеты в тренировочную одежду и держали в руках спортивные сумки и комок из одежды, в которой пришли. Даже клиентам переодеться не дали.

Катя поняла, что переодеться в нормальную одежду не получится. Ну хотя бы сотовый и сумочку, где лежат ключи от квартиры, отдали. В короткой юбке и обтягивающем топике Катя чувствовала себя почти что голой. Но выбора не оставалось, придется ехать домой в этом. Она решила не слушать возмущенные возгласы клиенток и молча зашагала к метро.

Наглый парень зашелся в сильном приступе кашля. Лицо налилось кровью, а глаза, казалось, сейчас выскочат из глазниц.

Как же мерзок этот город, – думала Катя. Нужно уезжать отсюда. Москва не для нее. Она для таких вот дегенератов и прочих мерзких людей. Здесь одна грязь. Как на улицах, в метро, так и в людях. Сплошь грязь человечества. Уезжать, уезжать как можно скорее.

При этих мыслях Кате стало легче. Подобные мысли посещали Катю и раньше, обычно вечером, в кровати, перед самым сном. А на утро они рассеивались, и все вновь казалось не таким уж и плохим. Можно еще потерпеть.

Но сейчас все было по-другому. Катя чувствовала это. Теперь чаша была полна. Нет смысла больше это терпеть. Никогда не было. Нужно жить как-то иначе. Должен быть какой-то другой путь к счастью. Не через боль, унижение и терпение.

Все, решено! Завтра же она уволится с этой осточертевшей работы, а Артура пошлет куда подальше, выскажет этому мудаку все, что о нем думает!

Потом соберет свои вещи. Их не так уж и много. Откуда их будет много, если денег еле-еле хватает на жилье и еду? Когда чемодан и сумка будут собраны, она выскажет все своей милой соседке, этой туповатой стервозной шлюшке, что ни разу за все время их совместной жизни не убралась в квартире. Катя назовет ее всеми именами, которыми ее давно следовало бы назвать! Хватит, больше терпеть Катя не намерена! Пусть другие терпят, а она поедет куда-нибудь на юг, где тепло, где солнечно, где нет всей этой первопрестольной грязи!

Из радужных мечтаний ее вырвал пронзительный крик. Все оборвалось внутри Кати. Она осмотрелась. В нескольких метрах от нее, на сиденье через проход какой-то мужик вцепился зубами в шею девушки. Кровь брызнула фонтаном, расплескавшись по стеклу за спиной укушенной. Наверно, всем вокруг происходящее казалось сюрреалистичным. Только не Кате. Все внутри сжалось от ужаса. Все это Катя уже видела. Там в фитнес клубе, за дверью к бассейну.

К крикам девушки присоединилось рычание с разных сторон. Еще три или четыре человека накинута на сидящих рядом людей. Женщина напротив, что сильно кашляла, в один миг перекинула свое грузное тело через проход и вцепилась в лицо Катиной соседки. Все произошло очень быстро. Катя вдруг поняла, что кричит. Катя чувствовала запах крови. Вблизи было видно каждую деталь, когда женщина отрывала кусок щеки. Было видно как нехотя, растягиваясь, рвется кожа, и кровь заполняет рану и стекает вниз.

В следующий миг Катя краем глаза заметила резкое движение. Она повернула голову и увидела, как тот наглый парень, рыча и истекая слюной, летит на нее. Катя выставила руки, пытаясь защититься. Грудь парня ударила в ладони и руки сложились. Потом ее обдало жаром

дыхания, и Катя почувствовала, как парень зубами впивается ей в основание шеи. Острая нестерпимая боль заполонила все тело, и Катя поняла, что не будет никакой новой счастливой жизни. Вообще ничего не будет. Только тьма.

Все вокруг начало отдаляться, боль растворилась, и вот Катя провалилась в темноту безвозвратно.

15

Алена подошла к напарнику.

– Как ты? В порядке? – спросил лейтенант Астахин.

– Да, – кивнула Алена. Она подошла к Астахину, чтобы послать гада. Но в последний момент что-то ее остановило. Конечно, не эта дурацкая наигранная забота. Что-то другое.

Несколько секунд они провели в молчании. Алена рассматривала Астахина, решая, высказать ли ему все, что она о нем думает. Астахин не выдержал ее взгляд и отвел глаза в сторону. Повернулся к ней в пол-оборота, делая вид, что изучает толпу. Как же он жалок! Этот блюститель порядка и защитник слабых.

Этот жалкий трус не заслуживает моей злости, – подумала Алена.

Из туннеля донесся характерный звук приближающегося поезда.

Поезд затормаживал бег, и вагоны все медленнее скользили вдоль перрона. В последних вагонах творилось что-то странное. Вот мимо проскользил вагон, в котором народу было вдвое больше чем в остальных и все были напряженные. Это чувствовалось в позах и, особенно, во взглядах людей. Почти все смотрели в сторону вагона позади.

Вот мимо поехал и следующий вагон. Он был пуст. Абсолютно. Ни единого человека. Залитый светом безлюдный салон вагона выглядел жутковато, словно из какого-то мистического фильма. Вагон проскользил мимо уже совсем медленно. Следующий вагон остановится напротив них, подумала Алена. Вот, наконец, стал виден и салон следующего за пустым вагоном. На первый взгляд он тоже казался пустым, только... только многие из его окон были заляпаны чем-то красным, а в паре мест на сиденьях в странных объятьях сплетались люди.

Алена заметила какое-то движение снизу. Что-то мелькнуло и снова скрылось внизу за стеной вагона. Алена приблизилась, чтобы рассмотреть, что это было. Теперь салон вагона был как на ладони. Все пассажиры вагона оказались там, на полу, залитом кровью. Несколько человек лежали плашмя, а вокруг них как стая гиен вокруг добычи в коленопреклонных позах сгрудились остальные. Мозг отказывался верить в увиденное, но все склонившиеся делали одно. Руками и зубами рвали на части свои жертвы.

Вагон замер прямо напротив Алены и Астахина. Люди внутри как по команде оторвались от своего пиршества и настороженно замерли. Несколько посмотрели в окно, прямо на Алену. Перемазанные красным лица с налитыми кровью глазами. Все внутри Алены похолодело. Такого страха она не испытывала никогда. Она сделала несколько шагов назад, в этот же момент двери вагона открылись.

Все, кто был внутри, единой волной хлынули наружу, сметая стоящих на перроне пассажиров. Группа людоедов? сумасшедших? зомби? бежала к Алене и Астахину. Алена сделала еще пару шагов назад и поравнялась с мраморной колонной. Она видела, как Астахин, отступая, лихорадочно пытается достать пистолет из кобуры. Нападающие приближались слишком быстро, Алена видела, что Астахин достать оружие не успеет.

Рука Алены скользила вдоль колонны, пока она шла назад. Вот рука провалилась в пустоту. Стена закончилась. Алена развернулась, прячась за колонну. Теперь она смотрела на вестибюль станции. Никаких измазанных кровью нападающих. Только люди, бегущие к лестнице.

Мимо ног проскользил пистолет. Алена проследила взглядом откуда. Нападающие опрокинули Астахина на мраморный пол и почти сразу же разбежались, преследуя новых жертв.

Остался только один. Или точнее одна. Девушка в короткой юбке и открытом топики с эмблемой какого-то фитнес клуба оседлала распростертое тело Астахина и впиалась зубами в его шею. Взгляд лейтенанта был устремлен на свою напарницу. Боль, ужас, непонимание изливались из его глаз на Алену.

Алена вытащила свой пистолет из кобуры, подошла к оседлавшей Астахина девушке. У той на шее была видна огромная рваная рана, как будто совсем недавно ее точно также укусили. Крови в ране не было, и она была затянута какой-то белесой пленкой, словно начала заживать. Алена ударила рукоятью пистолета в основание затылка. Такой удар должен был лишить сознания любого человека, но фитнес девушка только покачнулась. Она развернулась и зарычала. Алена направила пистолет в лицо нападающей. Пару секунд они, замерев, смотрели друг на друга. Алена ждала, когда девушка кинется на нее, чтобы выстрелить, но та вернулась к прежнему занятию, впившись зубами в уже бессознательное тело лейтенанта Астахина.

Алена осмотрелась. Почти все выбежавшие из того злополучного вагона метро нашли своих жертв и теперь склонились над ними в своем неприглядном пиршестве.

Вестибюль станции пустел. Последние пассажиры, ожидавшие на перроне поезда, озираясь, бежали по лестнице вверх.

Двери вагона закрылись, и поезд начал движение. Стоя у тела лейтенанта Астахина, Алена смотрела, как поезд увозит перекошенные от ужаса лица пассажиров. Люди в двух последних вагонах, прильнув к окнам, наблюдали за побоищем на перроне.

Поезд ушел. Несколько нападавших оставили тела своих жертв и поднимались в поисках новой добычи. Алена побежала к лестнице. Взбежав наверх, Алена повернулась лицом к перрону и посмотрела на фойе станции Кропоткинской.

Из-за колонн стали выходить эти людоеды? сумасшедшие? зомби? Их число росло. Казалось, что их уже больше, чем несколько минут назад выбежало из вагона. Подозрение подтвердилось. Среди этой вызывающей ужас толпы Алена увидела бредущего лейтенанта Астахина, если теперь можно было его так назвать.

16

«Наверно, уже со старших классов школы Игорь был не удовлетворен своей жизнью. Мир вокруг казался хаотичным и бессмысленным набором событий, где люди, с которыми ты контактировал, что-то требовали от тебя, критиковали твои действия, внешний вид, слова. И если ты жил и вел себя так, как тебе нравится, то тебя обязательно одергивали и пытались вернуть в установленные рамки. Это можно было бы понять, если бы те нравящиеся тебе поступки были потенциально опасны или нарушили бы чьи-то личные границы. Но на деле критике подвергались любые действия, которые противоречили представлениям других людей.

Если ты идешь на улицу в футболке, когда на улице прохладно, то тебе обязательно скажут надеть свитер или куртку, чтобы ты не простыл. Фразы вроде «мне будет жарко» или «я люблю, когда прохладно» не принимались в расчет. Индивидуальные особенности и личные желания? Пф! Значение имеют только мои представления. Я бы замерз на улице в такую погоду, будь добр и ты надеть свитер!

Подобная критика и требования при всей своей абсурдности, казалось, имели подавляющее влияние на жизни людей. Бесчисленное множество раз Игорь видел и испытал на себе, когда люди – родители, учителя, друзья и просто мало знакомые – требовали от других того, что и сами не выполняли. Кто-то когда-то сказал им, что ЭТО правильно, и теперь они повторяют и требуют ЭТОГО от других, сами не делая ЭТО, но постоянно желая сделать ЭТО и постоянно страдая, что и сами не соответствуют ЭТИМ требованиям. В общем, какой-то хаотичный, порочный и абсолютно бессмысленный круг получался.

Вся эта хаотичная и бессмысленная жизнь отходила на второй план, когда Игорь погружался в выдуманый апокалиптический или постапокалиптический мир.

Это могла быть книга, или фильм, или компьютерная игра про жизнь человека в мире, когда все устои, все общественные правила были смыты глобальной катастрофой. И в этом мире всегда все ставало на свои места, а жизнь героев была лишена хаоса и наполнена пусть простым, но очень ясным смыслом. С гибелью мира словно заново рождались люди, выжившие в нем. Заново рождались и заново начинали открывать себя и подлинный смысл жизни. Жить не ради того, чтобы соответствовать чьим-то требованиям. Жить ради того, чтобы быть самим собой и становиться самим собой для других людей все в большей и большей степени. Никакой критики, никаких больше ролей, чтобы соответствовать ожиданиям и требованиям других людей. Только ты, какой есть, и абсолютно открытые отношения с другими людьми. Потому что ты принимаешь их, какие они есть. И они принимают тебя, таким, какой ты есть».

Матвей закончил набирать отрывок текста на планшете. Конечно, пока текст еще сыроват. Придется его хорошенько поправить, особенно тот фрагмент с большим количеством ЭТОГО. Но в целом отрывок был неплох.

Матвей пока не знал, станет ли отрывок началом нового романа или всего лишь началом одной из глав, в которой будет введен новый персонаж. Но Матвей уже знал, что это будет за роман. Тот, который от него совсем не ждут.

Он всегда писал тексты, близкие к классике. Работал в том жанре, что издатели называют мейнстрим, а читатели «просто о жизни». Матвей давно чувствовал, что ему тесно в этом умирающей жанре, который был жив до сих пор во многом благодаря восхвалению произведений русских классиков. К сожалению, зачастую необоснованному. Перестаньте навязывать произведения литературы и уберите их из образовательных программ, и узнаете, какова их реальная ценность. Давно пора уже кинуть этого младенца – русскую литературу – в горнило настоящей жизни и реальных рыночных отношений, пусть закаляется и взрослеет. Хватит ее опекать, а то так и будет инфантильной детиной. Пинка ей под зад и хорошего, пускай летит из теплого насиженного гнезда вон!

На пресс-конференциях обязательно находился как минимум один человек, который обвинял Матвея за его ненадлежащие романы. На встречах с читателями таких предъявляющих претензии было в разы больше. С одной стороны это было очень забавно видеть, что в России так много людей, которые приходили на встречу с ним только за тем, чтобы сказать, что он пишет не так, как надо писать. На ответный вопрос «А как надо писать?» всегда звучала одна и та же фраза: «Как Пушкин, Толстой, Достоевский и другие русские классики». Никакого личного мнения, никакого самостоятельного познания мира, только заученная в школе фраза.

Если люди продолжали настаивать и пыл обвинения не утихал, Матвей как можно более спокойным тоном приводил одну и ту же мысль, которую обычно никто не понимал, но проблему с воинствующими доброхотами она решала. Матвей рассказывал, что личность человека – очень сложная структура. На нее оказывают влияние как природные инстинкты, так и огромный культурный пласт, впитываемый человеком в раннем возрасте и позднее. Чтобы обеспечить равновесие этой сверхсложной системы и дать возможность дальнейшего развития и усложнения, природа нашла простое решение. Внимание человека привлекается к тем вещам, в которых он испытывает потребность. Если человек голоден, он будет тянуться к еде, если испытывает жажду – к воде. Если же кого-то мучает духовный голод, то он будет искать и тянуться к тем произведениям искусства или культурным артефактам, которые помогут ему утолить этот духовный голод. Касательно литературы это выглядело очень просто. Однажды появлялся новый автор, романы которого давали людям ту духовную пищу, которую они искали. Это могли быть «умные мысли», новый взгляд на привычную реальность, новые переживания, новые эмоциональные реакции на привычное. Если говорить коротко: такие романы давали людям новую реальность – более привлекательную, чем уже существующая. Реакция читателей была проста – миллионные тиражи. Люди видели в романах нового писателя ценность и готовы были за нее платить. Матвей понимал, что точно же такая ситуация и с его романами.

Они давали читателям то, что у них раньше не было и что они воспринимали, как нужное им. Однако в русской культуре преобладающим было мнение иное. Ценность романа определяется не его востребованностью у людей и как следствие высокими тиражами, а словами весьма сомнительного авторитета – школьного учебника.

Теперь Матвей решил выйти на новое поле. Давно хотел и наконец понял, что время пришло. Матвей решил написать роман в жанре, который во взглядах критиков занимал, наверное, самое дно в художественной литературе – в жанре зомби-апокалипсис. Последней каплей, приведшей к этому решению, была, конечно же, та история об амбале с миниатюрной собачкой, покусавшем бригаду скорой помощи. Но сама идея вынашивалась давно. Матвей чувствовал, что в этом жанре скрыта огромная сверкающая жемчужина. Нужно было только ее найти.

Во-первых, жанр апокалипсиса и постапа привлекал Матвея тем, что давал возможность поставить персонажа в условия, когда прежние ценности теряли свою значимость. Человек жил себе поживал, верил в цели и ценности, что дали ему родители и общество, и вот – мир рухнул. Что из прежней жизни останется? Какие цели и ценности будут важны теперь? И почему старые цели оказались столь хрупки? И почему вечные ценности рассыпались в прах?

Во-вторых, вызывал вопросы сам жанр зомби-апокалипсиса. Более девяноста пяти процентов произведений в этом жанре – полный низкокачественный бред. Почему, несмотря на это, жанр активно развивается? Почему миллионы людей тянутся к нему? Что он такое дает людям, что они читают книги, смотрят фильмы или сериалы, играют в компьютерные игры про людей в мире, заполоненном ожившими мертвецами? Пытаются найти то самое так редко встречающееся в нашем мире целительное для нашей личности ощущение? Ощущение, что ты смертен и смерть близка?

От размышлений над романом и причинами его создания Матвея отвлек разговор двух парней напротив. По ощущениям Матвей сделал не больше одного круга по кольцевой линии. Люди вокруг постоянно менялись, входили и выходили. Когда зашли эти двое, сложно сказать. Матвей во время творчества был полностью погружен в себя и не замечал, что происходит вокруг.

Парень в серой рубашке с коротким рукавом рассказывал парню в белой футболке случай, произошедший с ним полчаса назад. Парень в серой рубашке как раз выходил из дома, и из квартиры на втором этаже санитары выносили на носилках троих его соседей. Парень спросил, что случилось и те ответили, что восьмидесятилетний дед сошел с ума и покусал свою невестку и двух внуков. При том сильно так покусал. Наверное, вообще бы насмерть загрыз, да только зубные протезы выпали. Несмотря на трагичность ситуации, санитары смеялись.

Дальше Матвей не слушал. Со слов соседа Ваньки в Москве сегодня произошло множество подобных случаев. Этот с восьмидесятилетним дедом – лишь один из них. Есть только одно «но». Матвей тогда предположил, что это в столицу завезли какой-то новой наркоты, от которой принявшие ее становились агрессивными. Теперь в этом объяснении появился изъян. Дело в том, что восьмидесятилетние деды не употребляют наркотики.

Матвей просматривал новости на планшете. «Участились случаи немотивированной агрессии людей» – вот как это называется в СМИ. На сайтах федеральных телевизионных каналов и онлайн газетах обо всем говорилось очень осторожно. Матвей переключился на блоги. И с каждым прочитанной статьей напряжение и страх разрастались. В блогах люди не пытались осторожничать и говорили все как есть. Похоже все очень серьезно. Происходит что-то действительно серьезное, **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СЕРЬЕЗНОЕ**.

Матвей был напуган. Очень.

Матвей вспомнил слова Ваньки, что нужно на всякий случай запастись продуктами, чтобы можно было спокойно отсидеться в безопасности дома. Пока не понятно, что именно происходит и что будет завтра, но лучше последовать примеру Ваньки. Хватит кататься по

кольцевой, нужно срочно добрать до дома, взять машину и ехать закупаться в ближайший продуктовый магазин.

Матвей посмотрел на табло. Поезд подъезжал к станции Октябрьская, следующая – Парк Культуры. Повезло, совсем рядом к дому. На Парке Культуры нужно будет пересест на красную линию, а там до Кропоткинской рукой подать. Так что минут через двадцать он уже будет дома, а через полчаса в магазине. Потом в пять часов заедет за Мариной, и в начале шестого они уже будут у себя в квартире – с запасами еды и в полной безопасности.

Вот наконец и Парк Культуры. Вагон замедлил ход, вот замер, голос объявил название станции, и двери открылись. Матвей выскочил на перрон и быстрым шагом направился к проходу, ведущему на другую линию метро. Когда показался перрон красной линии, Матвей уже почти бежал.

На перроне творился хаос. Люди в панике покидали вагоны только что подошедшего поезда и бежали к эскалаторам, увозящим их на поверхность. Несколько полицейских с растерянным видом пытались успокоить толпу. Возле двух из них остановилось несколько человек, что с испуганным видом рассказывали о чем-то, то и дело указывая на один из вагонов.

Матвей подошел ближе.

– Это было как в фильмах про зомби, – произнес какой-то студент. Полицейские посмотрели на парня.

– Весь вагон словно с ума сошел. Люди бросались друг на друга и начинали кусать! – сказал мужчина в сером пиджаке.

– Они всех загрызли! Никто не выжил! – с истерическими нотками в голосе произнесла дама средних лет.

– А на Кропоткинской, когда мы остановились, эта толпа зомби выбралась из вагона и кинулась на людей на станции, – продолжил студент. – Они там полперрона перекушали, и двоих полицейских по-моему.

– Что происходит? Скажите мне, что происходит?! – дама средних лет вцепилась руками в мундир одного из полицейских и кричала, тряся его взад-вперед.

Пока Матвей слушал, людей на перроне стало меньше. Почти все, поддавшись общей панике, покинули фойе. Матвей посмотрел вдоль состава. Дальний вагон, вроде третий с конца, выделялся среди остальных. Его окна были обильно заляпаны красным. Матвей сделал несколько шагов в сторону вагона, думая подойти поближе, чтобы лучше все рассмотреть. Несмотря на то, что он уже слышал о случаях нападения людей и даже пришел к выводу, что надвигается что-то **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СЕРЬЕЗНОЕ**, в рассказ пассажиров верилось с трудом.

Матвей обогнул полицейских и успел сделать не больше десятка шагов, когда в открытых дверях злополучного вагона, появились несколько силуэтов.

– Женщина, успокойтесь. Мы разберемся, что происходит, – говорил полицейский, видимо, главный из двух. – Это, наверное, какая-то ошибка. Вы просто не совсем правильно все поняли.

– Не совсем правильно поняли?! – в один голос с надрывом переспросили студент, мужчина в сером пиджаке и дама средних лет.

– Мы во всем разберемся, – повторил полицейский. – В любом случае, сейчас вы в безопасности.

Силуэты покинули проем дверей, и на перроне один за другим появились несколько человек, или как их там. Матвей остановился. Зомби (как их назвал студент) смотрели по сторонам. Кроме Матвея и группы людей рядом, на перроне почти никого не осталось. Несколько зевак, не поддавшихся общей панике и рассматривающих подъехавший поезд, как по команде сорвались с места и побежали к эскалатору. Их бег привлек внимание полицейских. Те проводили

их взглядом и посмотрели назад на Матвея. Матвей поднял руку, указывая в сторону злополучного вагона и вышедших из него. Студент, мужчина и дама дружно шепотом произнесли:

– Это они, – и побежали вдоль перрона к выходу.

Матвей посмотрел на злополучный вагон. Около десятка зомби двигались в сторону него и оставшихся стоять полицейских. От эскалатора подбежали еще четверо в форме, что пытались организовать порядок при бегстве целого поезда.

– Эй, встань за нами, – сказал главный Матвею.

Шестеро полицейских встали в ряд, достав пистолеты и приготовившись стрелять. Матвей обошел их сбоку и встал за спинами, чуть сбоку, чтобы все видеть.

– Остановитесь! – крикнул главный приближающейся толпе.

Те продолжили идти, лишь ускорив шаг.

– Остановитесь или мы начнем стрелять!

Нападавшие продолжали приближаться.

Главный выстрелил в воздух. В ответ – холодящее сердце рычание. Полицейских от нападавших разделяло уже меньше пяти метров.

– Стреляем по ногам!

Шестеро полицейских открыли огонь. Матвей оглох от выстрелов. Он видел, как пули попадают в бедра, колени и голени бегущих. Из дырок где-то вырывался фонтан крови, где-то начинало расплываться красное пятно, где-то просто появлялся маленький черный кружок.

Матвей не сразу понял, что в воздухе зависла тишина. Наконец, в ушах перестало звенеть и стало слышно, как лихорадочно щелкают пистолеты. Патроны кончились, но полицейские продолжали нажимать на курки. Ноги нападавших были все сплошь в ранах от пуль, но нападавшие, казалось, не замечали этого. Они все также продолжали приближаться, хотя и походка стала менее уверенной, а один из зомби шел медленнее остальных, волоча правую ногу.

Матвей спиной начал отступать к эскалатору.

Пятеро полицейских растерянно смотрели на своего лейтенанта.

– Уходим, – наконец скомандовал он.

Когда полицейские развернулись, Матвей уже вбежал на металлические ступеньки эскалатора. Лестница понесла его наверх. Матвей обернулся. Шестеро в форме бежали к нему, за ними не отставали девять зомби, и десятый, хромая, завершал процессию.

Полицейские один за другим вошли на полотно эскалатора. Группа преследователей была метрах в трех. Полицейские было побежали вверх по движущимся ступенькам, но остановились и перекрыв лестницу приготовились к бою. В этот момент в будке возле входа на эскалатор появился смотритель. Женщина – толстая и возрастом хорошо за пятьдесят. Видимо, услышав выстрелы, она спряталась на дне своей конуры. Теперь она, наконец, решила встать. Грузное тело неповоротливо двигалось внутри будки. Женщина пыталась повернуться, чтобы выйти.

Группа зомби бросила преследовать полицейских и окружила будку смотрителя. Женщине как раз удалось развернуться. Писательское воображение Матвея услужливо нарисовала ту картину, которую увидела перепуганная смотритель. Запылившиеся стекла осточертевшей будки, а сквозь них перепачканные кровью, оскалившиеся рычащие лица. Лица приближаются, растут, окружают будку, от чего в ней становится заметно темнее.

Стекла затрещали, и вот раздался звон. Матвей видел, как окна осыпались. Воздух заполнил раздражающий сердце вопль женщины. Толпа нападающих окружила будку, лезла внутрь через проемы окон и двери. Эскалатор уносил Матвея и полицейских все выше, а в воздухе звенел крик женщины-смотрителя. Вот он взлетел вверх и оборвался. В тишине Матвей и шестеро полицейских продолжили ехать вверх.

В банк, нужно срочно добраться до банка. По словам тех людей, на станции Кропоткинская произошло то же, что он видел только что сам. Только там этих существ было в десятки

раз больше. А от выхода со станции до входа в банк, где работает Марина, метров тридцать, не больше. Нужно срочно забирать Марину и спрятаться в каком-нибудь безопасном месте.

– Эй, парень, – полицейские что-то хотели ему сказать, но Матвей не стал слушать. До конца эскалатора оставалось метров пять, и Матвей побежал по ступенькам вверх.

В вестибюле было немного людей. Обычные пассажиры метро и несколько полицейских. Матвей побежал мимо них. Полицейские из вестибюля устремились ему навстречу, и на миг показалось, что они его сейчас схватят. Но полицейские пробежали мимо, направляясь к своим.

– Отключайте эскалатор! – кричал лейтенант, приехавший снизу. – Закройте чем-нибудь эти проходы. И свяжите меня с начальством, тут такое нахрен творится!!!

Дальше Матвей не слышал, он выскочил на улицу. Такси обнаружилось в нескольких метрах справа. Дверь машины послушно открылась, и Матвей влетел внутрь.

– Банк на станции Кропоткинской! Быстро, гони!

Таксист бросил взгляд на Матвея, подождал несколько секунд, высматривая что-то в зеркале заднего вида, и вот завел мотор.

– Что за спешка? Гонится кто-то? – спросил водитель, выезжая на дорогу.

– Тут такое нахрен творится! – Матвей только и смог, что повторить слова лейтенанта.

17

Когда Алена поднялась наверх и прошла дальше по коридору, зараженные стали появляться на лестнице.

Алена вспомнила фильм, который смотрела на очередном неудачном свидании. Мировая война Z – так он, кажется, назывался. Там мир оказался на грани вымирания из-за странного вируса. Зомби – так называли зараженных в фильме. Сейчас происходило что-то очень похожее. Сотня зараженных поднималась по лестнице и брела по коридору. Еще пара минут и бойня, что произошла внизу, повторится здесь, у выхода из метро. А потом зараженные попрут на улицы Москвы. И через час их будет не сотня, а тысячи.

Один из полицейских достал рацию и стал описывать в нее происходящее. Наконец динамик затрещал в ответ.

– Свободных нарядов нет. Рассчитывайте только на свои силы. Попытайтесь их сдержать как можно дольше. Отступайте, как станет опасно.

В вестибюле повисла тишина.

– И все? Да это я и без вас знал! И как мы вдвоем должны сдержать толпу из ста человек?

Алена посмотрела вниз. Зараженные были уже совсем рядом. Чувствовался идущий от них запах крови. Еще секунд двадцать, и они загрызут их так же, как и тех пассажиров на перроне внизу.

– Эй, девушка, пойдём. Незачем умирать тут геройской смертью.

Алена обернулась. Все выходили через турникеты наружу: зритель, зеваки, полицейский.

– Турникеты могут их сдержать, – сказала Алена.

– Ага, вполне возможно, – кивнул сержант. – В любом случае больше мы ничего сделать не сможем.

Они вышли за проходную. Зеваки не расходились, чувствуя себя в безопасности за защитой турникетов.

Появился первый зараженный, и вслед за ним по пространству вестибюля стала растекаться перемазанная кровью толпа. От резкого запаха кружилась голова, сердце бешено колотилось в груди. Зараженные не спускали глаз с Алены, полицейских и зевак и приближались к ним.

– Охренеть! – произнес кто-то за спиной Алены. – Прямо как в фильме про зомби.

– Может это и вправду фильм какой снимают?

– Или глупый розыгрыш телевизионщиков?

Зараженные начали ускорять шаг.

– Уходим, – сказала Алена. – Эти турникеты их не остановят.

Зараженные рыча бежали к ним. Зеваки и полицейские сорвались с места и, толкаясь в дверях, пробивали себе путь на улицу. Алена прошла первые двери, обернулась назад. Толпа зараженных налетела на преграду из турникетов. На миг показалось, что они их сдержат. Но вот створки под давлением десятков людей затрещали и сломались. За створками в одном турникете сломались и еще в нескольких. Зараженные протискивались наружу.

Вот и улица. Солнце, теплый майский воздух приятно освежает. Первое, что бросается в глаза – крупная авария прямо на площади: перевернутый автобус, несколько столкнувшихся машин. Рядом на тротуаре выстроились пара карет скорой помощи и три машины ДПС.

Люди, с которыми Алена вышла из метро, разбежались. Двое бежали к сотрудникам дорожной полиции, видимо, чтобы рассказать происходящее. Остались только двое полицейских.

– Можно подпереть двери машинами, – предложила Алена. – Их вряд ли сдвинут.

Полицейские посмотрели на кареты скорой помощи, потом назад, в вестибюль.

– Поздно.

Алена посмотрела сквозь стекло дверей. Толпа зараженных окажется на улице через пару секунд.

– Бежим, не стой тут, – полицейские схватили ее под руки и потащили прочь от выхода из метро.

Втроем они подбежали к машинам ДПС. Скрытые за машинами скорой помощи, здесь стояли человек двадцать. Постовые, очевидцы и пострадавшие в аварии.

– Что там у вас происходит?

– Бегите, просто бегите, – ответил сержант, оглядая толпу.

Алена кинула взгляд через плечо. Из дверей метро толпа зараженных выливалась на улицу и растекалась в разные стороны. Часть устремилась к ним.

– Бегите! – крикнула Алена, перебегая дорогу. Люди возле машин скорой помощи так и остались стоять. Высокие кузова машин скрывали от них приближающуюся толпу зараженных.

– БЕГИТЕ!!! – Алена остановилась на тротуаре перед дверями банка и крикнула изо всех сил.

Несколько человек нерешительно двинулись в ее сторону. Пара постовых обошла скорую помощь, чтобы взглянуть, что за опасность приближается. Зараженные волной огибали машины с двух сторон и набрасывались на стоящих людей. Все наконец увидели угрозу, но было поздно. Зараженные за несколько секунд смели группу из двадцати человек, и теперь склонившись над сваленными на асфальт телами, кусали и рвали их руками.

Несколько не нашедших себе жертву зараженных устремились к Алене. Кто-то схватил ее за талию и потащил. Секунда, и она оказалась внутри банка. Тут уже стояли оба полицейских. Охранник, затащивший ее внутрь, запер двери, подергал, проверяя надежно ли те закрыты.

Алена посмотрела наружу. Зараженные несколько раз ударились в стеклянные двери банка, но те выдержали. Наконец, нападавшие потеряли к ним интерес и побежали дальше в поисках новых жертв.

– Теперь понятно, о чем весь день в новостях рассказывается, – наконец, произнес охранник. – Похоже, скоро такое будет по всей Москве.

18

Экскурсионный автобус проехал набережную, миновал Храм Спасителя и, свернув, начал подъем к площади Пречистенские ворота. Все молчали и просто ждали конца дороги.

Паша Конкин обнимал Аню. Что бы там не произошло, сейчас они в безопасности, а водитель увезет их еще дальше, в тихое место, где они смогут забыть о случившемся. «Все будет хорошо» – в который раз мысленно произнес Паша, но спокойнее не стало. Ладони были влажные и холодные от пота, а затылок стягивало так, что в голове пульсировало.

Хотелось оказаться подальше отсюда. Поскорее добраться до безопасной гостиницы. Поскорее убраться из Москвы.

Вспомнились слова мамы, сказанные на прощание. «Будь осторожен. В Москве может случиться все, что угодно. Там полно идиотов». Тогда он только отмахнулся. Мама всегда была паникершей и вечно ждала, что случится что-то плохое. Все детство прошло под эгидой маминих страхов. И сколько прекрасных событий прошло мимо.

На дискотеки не ходи, там тебе продадут наркотики, и ты станешь наркоманом, подхватишь СПИД и умрешь.

Вечером гулять не ходи, темно, тебя ограбят и избьют.

С девушками не целуйся, подхватишь венерическое.

О его отношениях с Аней мама, конечно же, не знала. Паша всегда говорил, что идет гулять с друзьями. Эта была ложь, и Паша каждый раз чувствовал вину, произнося ее. Но с другой стороны, и правду сказать Паша боялся. Скажи он, что встречается с девушкой, и его обольют таким количеством дурно пахнущих наставлений, что он больше никогда не сможет взглянуть на Аню по-прежнему.

Паша был очень рад, что во время экскурсии ему выпадет шанс побыть с Аней наедине. Он еще ни разу не занимался сексом, и надеялся, что это многое изменит. Ведь не просто так это называют «стать мужчиной».

Но теперь все пошло не так.

«А я говорила!» – всплыл в голове голос матери. «Нужно было остаться дома!».

Паша усилием отогнал наваждение.

«Ты каждый раз, когда я выхожу из дома, говоришь, что может случиться что-то плохое, и каждый раз я возвращаюсь домой целый и невредимый».

«Но не в этот раз! В этот раз все серьезно. И ты мог бы этого избежать, если бы послушал меня. Ты никогда меня не слушаешь!»

«Ты ошибаешься. Я слышу все твои страхи каждый раз. И всегда будто покрываюсь неприятной липкой пленкой. И каждый раз, когда случается неприятность, я чувствую, что мог бы избежать ее, если бы ты не забивала мне голову всеми этими страхами. Я помню все, что ты сказала, как бы это не звучало нелепо. Что меня могут в Москве ограбить, похитить и продать на органы, что в гостинице я могу подхватить какую-нибудь заразу, что одноклассники могут меня напоить и я стану алкоголиком. Я помню еще много другого. Но я не помню, чтобы ты предупреждала меня, что на Красной площади меня могут загрызть насмерть зомби!»

На плечо легла чья-то рука, и Паша вздрогнул. Это был Ромка. Он сидел на сиденье сзади.

– На Анастасию Сергеевну посмотри, – голос одноклассника и то, что он назвал учителя по имени-отчеству, настораживало.

Паша проследил за кивком Ромки. Анастасия Сергеевна стояла в проходе между сиденьями, как уже не раз было за время их поездки. Пока они ехали до Москвы, Машкина часто вставала вот так, чтобы посмотреть на учеников, а потом шла до самого конца салона и проверяла, не занимаются ли ее подопечные чем-то, чем им заниматься не следовало.

Только в этот раз выглядела она по-другому. Не было устрашающего и сердитого вида. Взгляд ее был пустой, а глаза, казалось, затянуты пеленой.

Анастасия Сергеевна повернулась в проходе и, сделав несколько неуверенных шагов, замерла возле водителя. Казалось, что она просто смотрит через лобовое стекло, проверяет, где они и далеко ли осталось до гостиницы.

Паша посмотрел в окно. Они подъехали к перекрестку и остановились. На перекрестке произошла серьезная авария. Несколько машин столкнулось, а автобус перевернулся, загорев половину проезжей части. По ту сторону образовавшегося затора был виден вход в метро, а на площадке перед ним стояла группа машин скорой помощи и дорожной полиции. Возле машин собралась приличная толпа.

Движение регулировал постовой, и по его знаку экскурсионный автобус после нескольких минут ожидания, наконец, тронулся вперед. Осторожно продвинулся вдоль затора и, свернув, поехал вдоль машин скорой и полиции. В боковое окно Паша увидел, как из метро в суматохе выбегают люди. Их лица были перепуганы. Автобус проехал дальше, и Паша наклонился через Аню к окну, чтобы видеть вход в метро. Люди разбежались в разные стороны, а из дверей показались люди в форме. Вышедшие из метро полицейские побежали к стоявшим машинам, что-то крича. С ними, тоже крича, бежала девушка в форме. Из дверей метро показались еще силуэты, но автобус миновал затор, и Паша уже не мог видеть, от кого бежали эти люди. Хотя что-то в его груди считало, что он знает, что их так напугало. И Паша боялся материализовать это в слова, даже мысленно, не вслух.

В автобусе по-прежнему царил тишина, лишь негромко урчал двигатель, подчеркивая висевшее в воздухе ощущение чрезвычайно натянутой струны, готовой лопнуть в любой момент.

Паша посмотрел вперед. Экскурсионный автобус преодолел перекресток и выехал на улицу Пречистенка, судя по табличке на доме сбоку. Справа на первом этаже виднелась вывеска банка, а слева на небольшом пяточке возвышался памятник какому-то бородатому мужику.

Анастасия Сергеевна, стоявшая до этого в проходе возле водителя, наклонилась к нему, словно собираясь что-то спросить. Но вцепилась тому в шею, и даже в полумраке салона было видно, как и учителя и водителя залило чем-то красным, хлынувшим из прокушенной кожи.

Тишина в салоне взорвалась криками, и люди с первых рядов суматошно вылезали в проход и проталкивались вглубь автобуса, пытаясь убраться подальше от происходящего.

Лишь двое кинулись на помощь водителю. Учитель физики, Степан Александрович, и один из укрывшихся с Красной площади мужчин. Они попытались оттащить потерявшую рассудок учительницу, но та с невероятной легкостью оттолкнула их.

Автобус, потеряв управление, съехал на встречную полосу, вот пересек ее и покатил по газону за памятником бородатому мужику. Еще несколько секунд, и он врезался в стену здания. Автобус тряхнуло. Степан Александрович не удержался и стал падать вперед, прямо на свою вцепившуюся в водителя напарницу. Мужчина рядом успел подхватить его.

Водитель и Анастасия Сергеевна исчезли из виду, упав на лестницу возле входной двери.

«Нужно выбираться из автобуса», – мелькнуло в голове. Паша осмотрелся. Двери, конечно же, закрыты. На стеклах виднелась надпись «В случае аварийной ситуации разбить стекло молотком». Паша поискал молоток. На предназначенном для него месте было пусто. Наверно, кто-то из бывших экскурсантов ради шутки забрал его.

Через проход молоточек был на месте, и кто-то из одноклассников, сняв его, ударил по стеклу. Безрезультатно. Он ударил еще раз и еще, но стекло выдержало. Наверно, одноклассник слишком боялся осколков и не вкладывал в удар достаточно сил.

– Бей сильнее, – сказал Паша, и его голосу вторил голос Ромки.

Парень ударил вновь и по стеклу побежали трещины. Паша посмотрел в начало салона. Степан Александрович спустился на площадку водителя. Повернув голову, он смотрел вниз, на входную лестницу, где исчезли водитель и Анастасия Сергеевна. Лево́й рукой учитель физики нажимал кнопки на приборной доске, видимо, ища ту, что открывает двери. Действия в слепую не помогли, и Степан Александрович перестал следить за угрозой, устремив взгляд на

приборную доску. Секунда, и раздалось столь знакомое шипение открывающейся двери. Звук шел из начала автобуса. «Ну давай, – подумал Паша, – теперь открой задние двери».

Мужчина, помогавший учителю, вдруг резко дернул того за шиворот, утягивая его в проход. Там, где он только что стоял, оказалась зараженная. Она повернулась лицом в салон и зарычала. С зубов и подбородка капала кровь. Внутри Паши все похолодело от страха.

Мужчины секунду колебались, решая, стоит ли вступить в схватку с зараженной и попытаться-таки открыть задние двери, но вот стали отступать. Мужчина, помогавший учителю, помог подняться с сиденья девушке и, что-то сказав ей, подтолкнул в конец автобуса.

Степан Александрович обернулся и осмотрел салон, оценивая обстановку. Вновь повернулся к зараженной. Паша видел его лицо в зеркало заднего обзора, что висело в центре лобового стекла. Не нужно было уметь читать мысли, чтобы понять, о чем сейчас думал учитель. Класс, за который он отвечал, был в опасности. В любой момент зараженная Анастасия Сергеевна бросится вглубь салона в поисках новой жертвы. И нет ничего, что встанет у нее на пути. Наконец, напряжение сошло с губ и лба, учитель принял решение.

– Бейте окна и выбирайтесь из автобуса, – произнес он.

Услышав его голос, зараженная зарычала и бросилась вперед. Степан Александрович уперся руками в спинки сидений и выставил перед собой ногу, целясь стопой в грудь зараженной. Послышался глухой удар, учитель вскрикнул. Раздался звон бьющегося стекла. Паша бросил взгляд в сторону звона. Одноклассник, наконец, разбил окно. К нему подскочил Ромка и забрал молоток. К проему окна кинулись находившиеся в автобусе, и у сидений образовалась давка.

Паша посмотрел в начало автобуса. Степан Александрович, лежа на полу, боролся с Анастасией Сергеевной. Та пыталась добраться до его шеи зубами. Сиденья вокруг были пусты, все толкались в проходе, пробивая себе путь к разбитому окну. И никто не кинулся помочь учителю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.